

Мизази Н.

**ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО
КОРОЛЕВА**

ЖЕНСКИЕ ЛИКИ — СИМВОЛЫ ВЕКОВ

Никола Мизази
Ее величество королева
Серия «Женские лики
— СИМВОЛЫ ВЕКОВ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28515919

Ее величество королева: Роман / Пер. с ит.: Мир книги, Литератур;

Москва; 2010

ISBN 978-5-486-03532-6

Аннотация

Роман итальянского писателя Николы Мизази, публикуемый в данном томе, повествует о малоизвестных событиях итальянской истории.

Действие его происходит в самом начале XIX века в Неаполитанском королевстве, где разворачивается трагическая борьба за сохранение династии Бурбонов. Лидером этой борьбы становится волевая и решительная Мария-Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	12
Глава III	29
Глава IV	51
Глава V	56
Глава VI	63
Глава VII	70
Глава VIII	76
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Никола Мизази

Ее величество королева

*В оформлении переплета использована картина Анжелики
Кауффман «Портрет Марии-Каролины, королевы Неаполи-
танской»*

Часть первая

В столице и в горах

Глава I

Политический момент. –

Наполеон I и дочь Марии-Терезии

Обстоятельства были таковы: переговоры в Пресбурге завершились известным трактатом. Наполеон стянул к Боломье свое войско, намереваясь изгнать Бурбонов из Неаполитанского королевства. Была обнародована следующая прокламация, обращенная к неаполитанцам:

«Двор вашего короля, подписав со мною договор о нейтралитете, нарушил его: он вновь открыл свои владения русским и англичанам. Император Наполеон, справедливость которого равняется его могуществу, желает примерно отплатить за такой поступок. Этого требуют достоинство его короны, интересы его народов и необходимость восстановить в Европе общественное к себе доверие. Войско, которым я командую, имеет целью покорить вероломных. Вам, однако, нечего опасаться: французские солдаты будут всегда вашими братьями».

Прокламация, помеченная 25 декабря 1805 года, появилась в Неаполе 2 января 1806 года одновременно с вестью, что французское войско, приближающееся к неаполитанским границам, под началом Сен-Сира, имеет пять корпусов, к коим присоединен еще корпус Массены; что вся численность армии доходит до сорока пяти тысяч; что при ней находится брат императора генерал принц Жозеф Бонапарт.

Эти вести для неаполитанского двора были громовым ударом, началом той грозы, которая захватила и русских, и австрийцев, которая закончилась Аустерлицким сражением и взятием Вены. Неаполь трепетал: для него были живо памятны ужасы многолетней войны конца XVIII века; раны, нанесенные сначала кровавой междоусобицей, а затем яростными репрессиями Бурбонов, еще далеко не зажили.

Когда грянула эта новая гроза, порядок, особенно в отдаленных провинциях, не был еще вполне восстановлен не успевшей утвердиться королевской властью. Правда, шайки санфедистов¹ и преданные Бурбонам партизаны отвоевали у новорожденной республики² трон законного короля. Но санфедисты и партизаны не могли бы совершить этого, если бы они не разоряли все и всех на своем пути. Население

---

¹ *Санфедисты* – от Санта-Феде (святая вера). Так назывались в Испании (XVI–XVIII вв.), а во время господства испанцев и в Южной Италии, вооруженные организации, защищавшие монархию и католическую религию от новых политических и церковных учений.

² Под влиянием французской революции в 1799 г. царствовавшая в Неаполе Бурбонская династия была изгнана, а королевство объявлено республикой.

всех крупных городов Неаполитанского королевства распалось надвое: одна сторона – торжествующая и самовластная – легитимисты; другая – республиканцы, доведенные до бессильного раздражения, грызшие наложенные на них цепи. Эта партия продолжала, однако, ожидать мести, трепетно ожидала, что новые события восстановят ее могущество.

И в такое-то время, когда предшествовавшая буря не успела улечься, загрохотала новая гроза.

Ввиду ее приближения русские и австрийские войска (ради которых Бурбоны нарушили нейтралитет, обещанный императору Наполеону)³, занимавшие дотоле Теано, Венаффо, Миньяно, получили от своих правительств приказание удалиться. Русский генерал Ласси сообщил неаполитанскому главнокомандующему, что защита всей пограничной линии королевства при внезапно сложившихся обстоятельствах немыслима прежними средствами, причем дал понять, что русский государь подготавливает средства для охраны достоинства короля обеих Сицилий (Неаполитанского королевства).

Король Фердинанд IV хотя и понимал, что его гибель неизбежна, все-таки отправил кардинала Руффо к Массене, поручив первому хлопотать о перемирии и узнать, нельзя ли чем смягчить Наполеона. Но когда он узнал, что Руффо был в качестве пленника задержан в Женеве; когда на собранном им в Неаполе совете убедился, что, по единогласному мне-

---

³ Вероятно, речь шла о русской военной эскадре в Средиземном море.

нию генералов и министров, бесполезна всякая попытка задержать вторжение французов, он поспешно отплыл в Сицилию, назначив королевским наместником в Неаполе своего старшего сына, принца Франциска.

Наместник не сумел или не смог изыскать новых средств, он прибег тоже к переговорам; но это оказалось бесполезно, как при отце его. Тогда Франциск, захватив с собою своего брата принца Леопольда, тоже покинул Неаполь и через Калабрию пробрался в Сицилию. Таким образом, раскаты грозы, еще отдаленные, обращали уже в бегство именно тех, кому бы следовало противостоять ей. Королевство, которое несколько лет ранее, после революции и республиканского правления только что успело вновь организовать, грозило опять распасться благодаря неумелости своих правителей.

Однако в тот самый момент, когда правители впадали в отчаяние, когда генералы ломали свои шпаги, оставалась одна женщина, горделивая, стойкая, предприимчивая, твердо решившая или одолеть врага, или погибнуть вместе с королевской властью, если только престолу суждено было погибнуть.

То была ее величество королева Мария-Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии.

Она одна не покинула королевского дворца в столице. И этого было достаточно, чтобы народ продолжал мечтать о возможности устранить опасность. Она не жила во дворце сложа руки: всем было хорошо известно, как зорко следила

она за ходом событий, как решительна, неутомима была эта королева, как энергично готовилась она к борьбе.

Даже самые робкие, те, которые недавно советовали королю обратиться в бегство, начали ободряться, толковать о средствах обороны, о необходимости спасти хотя бы честь нации. Французы уже надвигались, а в неаполитанском дворце все было спокойно и оживленно. По его мраморным лестницам и залам постоянно проходили и знатные и простые люди, хотя среди последних встречались непривлекательные личности, известные вожаки шаек лаццарони. А лаццарони в Неаполе тогда были то же, что санкюлоты в революционном Париже.

На обширном дворцовом дворе постоянно слышался конский топот. Всадники то появлялись, то уезжали; и те и другие впопыхах.

Народ, конечно, тоже интересовался полученными вестями. Небольшие группы людей нередко скоплялись на улицах, но и расходились быстро. Всякий знал, что заурядному обывателю опасно рассуждать о государственных делах. Всякому были памятны дни террора, водворившегося в столице по возвращении в нее бурбонского двора, и зверства, которыми сопровождалось вступление в Неаполь буйных шаек, предводимых кардиналом Руффо⁴. Те либералы, которые и

---

⁴ Когда в 1799 г. в Неаполе была объявлена республика Партенопейская (Партенопе – первоначальное название Неаполя, основанного греками) и Бурбоны были вынуждены спешно удалиться, кардинал Руффо по благословению папы Пия VI собрал изрядное партизанское войско, при содействии которого изгнал

теперь с нетерпением ожидали появления французского войска, намереваясь вновь поднять республиканское знамя, не решались громко высказывать своих надежд, зная, что королева продолжает проживать во дворце. Наиболее робкие, такие, которые во время прошлого переворота не решались примкнуть ни к республиканской, ни к монархической стороне и которые все-таки изрядно пострадали во время кровавых междоусобиц, очутившись между двумя огнями, были нынче склонны полагать, что слухи о надвигающейся опасности преувеличены, что несокрушимая энергия австриячки сумеет померяться силами с поднимающимся ураганом.

В ней, т. е. в королеве Каролине, сосредоточивались все могущество, вся власть. Только в ней проявилась воля. Наполеон говорил, что королева Каролина единственный мужчина в Неаполе. Одним своим примером она ободряла самых робких, а своими речами и своей физически соблазнительной внешностью умела внушать уверенность в ее способности отвести грозу; она поддерживала бодрость в населении. Зимний сезон был в разгаре; по приказанию королевы ни один театр, ни одно увеселительное заведение не было закрыто; ни один бал не был отменен.

Носились слухи, что на предстоящем в театре Сан-Карло (в те времена обширнейшем в Европе) маскараде будет присутствовать сама королева, и появятся все блестящие при-

---

иноземцев, подавил республиканцев и вновь водворил на престоле короля Фердинанда.

дворные дамы, знаменитые не только своей красотой, но и приписываемыми, по крайней мере, им любовными приключениями. Конечно, всем, кто боялся вторжения французов в Неаполитанское королевство, было не до развлечений. Но все-таки ни одна из богатых буржуазных семей не осмелилась бы оставаться дома, ибо отсутствовать на этом маскараде значило бы навлечь на себя подозрение либо в трусости, либо во враждебности ко двору. Без малого пятидесятитысячное французское войско, пододвинувшееся уже к самой границе, плохо гарантировало их безопасность. Боязнь этой женщины, единственной во всей Европе открыто решившейся бороться со всемогущим Наполеоном, у неаполитанцев доходила до террора.

Глава II

Веселье накануне беды. – Королева на маскараде

Если бы кто, не знакомый с политическими обстоятельствами данной минуты, очутился на площади Сан-Карло в начале роковой январской ночи, он не мог бы даже подозревать, что на столицу надвигается враг, грозящий кровавыми бедствиями и разорением. Около театра шумно, весело волновалась толпа, по-видимому, совершенно беззаботная. Под арку подъезда то и дело подъезжали богатые экипажи, окруженные гайдуками, факелonosцами; из карет выходили дамы, пышно обвитые драгоценными шальями и кружевами, в складках которых сверкали брильянты и рубины. Группы шумливых масок сливались в сплошную бесконечную веселую толпу, которая поднималась по лестницам. Казалось, весь город спешно, почти задыхаясь, сбегался на праздник. Знали, что австриячка приказала всем веселиться в эту ночь: и огромное большинство, хотя не без ворчанья, подчинилось ее воле, но, попав в разгульный поток, скоро чувствовало себя, как рыба в воде.

Громадная зала сияла огнями; толпа вела еще себя сдержанно. Ложи были полны аристократией и богатой буржуазией; все дамы были в обыкновенных бальных туалетах, ли-

да некоторых были прикрыты полумасками. Только королевская ложа оставалась еще пустой, однако привлекала к себе всеобщее внимание публики. Кой-где в зале танцевали уже под звуки оркестра, примостившегося в глубине сцены, которая сливалась с залой.

Вдруг гул и гам толпы как бы опали. В королевской ложе появились два служителя в придворных ливреях и раскинули по барьеру величественной ложи штофный ковер, в середине которого был вышит золотом бурбонский герб.

Это обозначало, что ее величество королева соблаговолит появиться в маскараде, дабы выразить благоволение своим подданным. Это означало также, что ее величество желала дать понять своим подданным, что опасность еще далека, а может быть, и устранена даже. Во всяком случае, королева подавала пример совершенной бодрости и спокойствия духа...

Ну а если опасности нет, если спокойна королева, чего же подданным беспокоиться? Отчего же и не повеселиться как следует? И плотно сгустившаяся толпа отдалась сплошному веселью.

В глубине зала, прислонясь к стене, стоял высокий, отлично сложенный мужчина в костюме калабрийского бандита: черный бархатный с серебряными пуговицами казакин; за широкий красный кушак заткнут большой кинжал; из-под остроконечной широкополой шляпы спадают на широкий белый воротник черные кудри. Лицо его было скрыто

черной маской, в ее отверстия глядели черные, лучистые молодые глаза. Он ни на кого не обращал внимания и, кажется, не ощущал, что им почти все интересовались.

– Да это просто атаман какой-то шайки кардинала Руффо, – замечали одни.

– У него, кроме лица, ровно ничего не замаскировано, – говорили другие.

К нему приставали хорошенькие женщины; он старался отделяться от них вежливостями.

– Милая девочка, еще слишком рано. Приходите позднее, я буду рад всех вас перецеловать.

Вскоре публика подметила другого калабрийского разбойника. Только тот был массивен и одет чуть ли не в лохмотья. Но также в маске. И его женщины стали задирать; но он их грубо растолкал, выбиваясь из толпы. Женщины обиделись; другие мужчины вступились за них. Завязалась было борьба, но около бандита словно из земли выросли еще четыре вооруженных калабрийца.

– Да это просто скандал, здесь собрались все санфедисты, – рычали в толпе.

Кто-то шепнул: «Тише вы там: это все сторонники ее величества». «Это невозможно», – шепотом же протестовали некоторые и громко выражали уверенность, что это замаскированные придворные. Толпа все-таки заволновалась; слышались возгласы: «Вон разбойников!»

Толстый, массивный бандит пробивался ловко вперед,

возбуждая больше смеха, чем негодования, и, ухватив какого-то полишинеля, вертел его, как куклу. Но стоявший долго у стены молодой атаман, приблизившись к товарищу, посоветовал ему оставить в покое несчастного (что тот и сделал) и убраться из залы без драки, против чего толстый протестовал.

— Я бы ушел вместе с тобой, — добавил молодой товарищ, — но мне необходимо дождаться именно здесь Гиро и Магаро и, как назначено, одной важной вести. Однако я провожу тебя на улицу, может быть, там найдем и наших.

Толстый согласился; оба вышли.

Этим инцидент и кончился, тем более что внимание публики привлекла королевская ложа. В глубине ее распахнулись широкие двери; из них выступили два ряда раззолоченных придворных гайдуков с серебряными канделябрами, восковые свечи которых ярко освещали всю ложу. Между этими потоками света появилась королева.

Каролина Австрийская достигла уже того возраста, когда время успевает оставить следы на наружности женщины. Но ее красота изумительно сохранилась, а прирожденная величавость увеличивала еще более привлекательность. Она, сбросив роскошный плащ, прошла к балюстраде ложи. Взоры всей публики обратились к ней. Кто бы не залюбовался роскошными белыми ее плечами, около которых искрились брильянты; ее пышными золотистыми волосами, увенчанными небольшой короной. Ее огромные голубые глаза ози-

рали толпу; лицо горделиво улыбалось. Ярко-пунцовые губы оттеняли нежно-розовый цвет безупречно овального лица; прямой, несколько крупный нос и чуточку выдающийся подбородок придавали ее физиономии выражение властности и твердости несокрушимой.

Несколько секунд толпа оставалась безмолвной, словно очарованная красотой, которой время не посмело коснуться. Про поведение дочери императрицы Марии Терезии ходило много неблагоприятных слухов; ее прошлое было ознаменовано кровавыми деяниями; много людей погибло по ее воле; много проливалось слез о жертвах ее жестокости. Много лжи и предательства ей приписывалось. И все-таки ее величавая красота была неотразимо ослепительна и как бы уравнивала все нравственные пятна.

Все знали, что она одна из наиболее образованных в Европе женщин, что она хорошо говорит и пишет на четырех языках, что она обладает тонким, проницательным умом. Она умела влиять на государственные дела своими советами и твердой, как алмаз, волей, перед которой склонялись не только министры, но и сам король. Она сумела поднять против изгнавшей Бурбонов республики кардинала Руффо, добившегося при содействии предводимой им орды горцев восстановления монархии. Она сумела распоряжаться, как своим рабом, английским адмиралом Нельсоном, очистить провинции от либералов и потопить в крови при помощи кардинала Руффо Партенопейскую республику.

Ко всем еще свежим воспоминаниям о казнях и избиениях, о разорениях, совершенных по воле этой трагической, но блистательной женщины, примешивались в странном противоречии с ними образы ее наиболее известных любовников — Гуаленго, герцога дела Режина, Актона, Рамеского, Сен-Клера. Ее закадычным другом была леди Гамильтон, одно имя которой вызывало чуть не фантастические представления о бесстыдной распущенности, о ночных оргиях, о необузданных минутных увлечениях.

Вот из каких сложных элементов, черных теней и ослепительного света, золота и грязи, капризов и железной воли, эпических предприятий и пошлых интриг, смелых до безумия проектов (которыми она чуть не увлекла даже Наполеона), из приятельских отношений с наисвирепейшими атаманами разбойничьих шаек складывался образ этой королевы. Она подобно своей матери Марии-Терезии могла бы сказать: *я емь король Мария-Каролина.*

И эта-то именно сложность личности изумляла, подавляла массы. Каролина словно судьбу вызывала на бой. Чужеземное войско надвигалось для того, чтобы разрушить ее престол; ее муж обратился в бегство, а за ним, обуреваемые страхом, исчезли в Сицилию и ее сыновья, министры, сановники. А она сама, невозмутимая, пышная, присутствовала на ночном празднике карнавала, с королевской короной на голове, окруженная царственным величием, горделивая, властная и в то же время улыбающаяся, словно самодержав-

ная монархиня, которой все должны уступать.

И в самом деле публика и в плебейской зале, и в аристократических ложах, словно побежденная невиданной смелостью этой женщины, восторженно, дружно разразилась приветом:

– Да здравствует ее величество королева!

Королева стояла у барьера ложи, величавая, недвижимая, как статуя, словно не чуя шумных приветствий. Ее лицо оставалось равнодушным, ни губы не шевельнулись, ни прекрасные лазурные глаза не блеснули, не выдали ни мысли, ни чувства. Она являлась олицетворением владычества, монархиней, от которой зависит жизнь и смерть каждого и всех. Только когда восторженные клики стали чрезмерно шумны и оглушительны, она ответила на них, склонив голову, опустилась в кресло и заговорила с каким-то генералом в блестящем мундире, обсыпанном звездами и орденами. Остальная часть свиты почтительно группировалась в глубине ложи; только в двух шагах от Каролины осталась грациозная женская фигура в бальном платье, но с полумаской на лице. Нетрудно было догадаться, что то была очень молодая особа, по всей вероятности, девушка. Но публика, возвратившаяся к своему маскарадному веселью, правда, несколько сдержанному присутствием государыни, более ничего о молодой особе не знала, хотя эту девушку никто ранее при королеве не видывал. Впрочем, все знали, что Каролина часто внезапно к кому-нибудь привязывалась и своих горячих привязан-

ностей ни от кого не скрывала.

Королева пробыла в маскараде очень недолго. Молодой бандит, провожавший своих земляков на улицу, был все это время задержан толпою вне залы. В ту самую минуту, когда он пробивался на середину залы, чтобы хоть взглянуть на монархиню, которой он никогда не видывал, живя в своих калабрийских горах, она уже встала, завернулась в белую горностаевую ротонду, поданную двумя камергерами, и удалялась из ложи. Когда бандит успел наконец пробиться и оглянуться на королевскую ложу, ее величество уже скрылась. Ярко освещенная ложа пуста; удалялись все придворные.

Отбытие королевы послужило сигналом к оживлению веселья. Возобновились бесцеремонные танцы, шутки, хохот. Не только в большой зале, но даже в ложах, а особенно по коридорам и лестницам, стоял разгул. Пляшущие в зале постепенно слились в одну бесконечную цепь, которая, громко подпевая оркестру, завивалась спиралью и захватывала тех, кто вовсе не желал участвовать в танцах.

Молодой бандит принадлежал к числу последних; он кое-как выбился из толкотни и стоял неподвижно в одном из отдаленных уголков. Около него бродили два человека в одинаковых с ним калабрийских костюмах, очевидно, хорошо ему знакомые. Все трое изредка обменивались словами. Наконец один из них ворчливо обратился к молодому бандиту:

– Что же это такое будет? Для чего мы здесь торчим, ка-

питан Рикардо? Я тут совсем одурею. Вы знаете, что терпением я похвастать не могу.

– Видишь, у меня хватает же терпения: жду, – отвечал тот, кого называли капитаном Рикардо. – Ну и ты принатужься, потерпи. Нам сказано ожидать в зале Сан-Карло; а до которого часу ждать – не сказано. Если мы разойдемся, потеряем в толпе друг друга.

Его нетерпеливый товарищ продолжал ворчать, и все трое продолжали ждать. Веселье все больше разгоралось, время шло. К Рикардо приставали грациозные маски, приглашая потанцевать с ними. Он не без затруднений отделялся.

Вдруг кто-то, подойдя сбоку, крепко ухватил его за локоть. Он оглянулся. Перед ним стояли два домино: одно ярко-красное, другое бледно-голубое. Оба прижимались к нему, и он чувствовал, что они дрожат, особенно голубое, принадлежавшее, очевидно, очень молодой, стройной, грациозной женщине. Она молчала. Красное было спокойно, под ним чувствовалось роскошное, пластичное, прекрасное тело, домино заговорило:

– Если вы молоды, если у вас благородное сердце, если вы обладаете мужеством, которое присуще всегда одеянию вашему, то, ради всего святого, проводите нас до бокового выхода и защитите от пьяных негодяев, преследующих нас, – сказала красное домино.

Он не сразу ответил.

– Скорей, скорей, – нетерпеливо требовала пунцовая мас-

ка, почти увлекая за руку по направлению к двери.

Рикардо все-таки колебался. «Пожалуй, это какая-нибудь глупая маскарадная ловушка, хитрость, чтоб ужин добыть», – думалось ему. Однако в голосе, которым к нему обращались, хотя и звучала просьба, но слышалось что-то повелительное. Наверно, это какие-нибудь аристократки. Не верить, что им грозит опасность, не было оснований.

– Умоляю вас, – произнесло и трепещущее голубое домино, прижимаясь к нему еще крепче.

Ему показалось, что он не впервые слышит этот молодой голос.

– Ждите меня тут, – сказал Рикардо своим двум товарищам бандитам. – Если посланный придет, попросите и его подождать.

Товарищи ворчливо и неохотно повиновались. Он повел своих масок. Покуда они протискались вперед, с ними повстречалась одна из масок, пристававших к нему, раньше она была одета рыбаком.

– Видно, ты этих-то женщин и поджидал, что со мной не пошел.

Глаза пунцового домино, которое первое заговорило с Рикардо, при этих словах блеснули сквозь узкие разрезы маски так злобно, что рыбачок воскликнул:

– Ага! кажется, тетушка-то шутить не любит. Смотри же, прекрасный разбойник, черепков не разбей.

И, сказав это, рыбачок с хохотом скрылся в толпе.

Тем временем они добрались до дверей. Пунцовое домино остановилось. Рикардо имел возможность внимательнее оглядеть эту женщину. Она казалась старше голубого домино, но, очевидно, была сложена, как античная статуя, сквозь отверстия маски выглядывали не то серые, не то голубые глаза. Взгляд их, по крайней мере в данную минуту, был жесток. Под кружевом, падавшим на нижнюю часть лица, довольно резко выдавался подбородок, щеки, насколько можно было судить, были свежие. Из-под покрывавшего голову капюшона выбивалась прядка светлых, осыпанных пудрой волос.

– Вся опасность там, под внешней колоннадой театра, – обратилась она к капитану. – Они потеряли в толпе наши следы и, наверно, ждут нас там...

– Кто они?

– Мы сидели в ложе, глядели вниз, в залу, любовались весельем. Моя подруга никогда не видала маскарадов. Вдруг в нашу ложу ворвались насильно трое каких-то негодяев. Наверно, пьяные. Между ними был моряк, в мундире.

– В мундире?

– Да, в мундире. Бесцеремонно стали нас трогать. Как я поняла, пьяный моряк вообразил, что узнал во мне, не знаю, право, какую-то знакомую ему даму, и держал с товарищами пари, что не ошибся...

– Как же вы ускользнули?..

– Я вам говорю, что эти господа были выпивши. Они едва держались на ногах. Мне удалось двоих из них оттолкнуть.

Я протащила в коридор мою подругу. И там они пытались оскорбить нас, покуда мы не пробрались в залу. Кажется, они не посмели туда спуститься, потеряли нас из виду... Но, наверно, поджидают у подъезда...

– А может быть, и совсем ушли?

– О нет! Этот моряк, хоть и пьян, а своего пари не забудет. А может быть, у него и есть какая-нибудь другая цель.

– Отчего же вы обратились именно ко мне?

– На вас одежда доблестных... Так были одеты те, кто отвоевал у республики для короля его царство... А впрочем, если вам боязно...

– Мне боязно! – Рикардо засмеялся. – Я позволю себе сказать вам, сударыня, что мой костюм не маскарадный. Я всегда так одеваюсь. Я так же одевался, когда находился среди тех, кто, как вы говорите, отвоевал королевство для своего законного короля.

– Значит, вы калабриец?

– И горжусь этим.

– А как вас зовут?

– Капитан Рикардо.

– Только?

– Только.

Голубое домино как-то встрепенулось при имени Рикардо; пунцовое продолжало расспрашивать.

– Вы в самом деле ждали женщину?

– Нет, – просто отвечал молодой человек. – Я там был с то-

варищами-земляками. Однако скажите мне, куда я вас должен довести. Надолго удаляться из залы я не могу.

— А... понимаю теперь! — воскликнуло красное домино. — Вы, вероятно, ожидаете там извещения о том, куда и когда именно вы должны явиться вместе с вашими товарищами...

— Как же вы можете знать, чего я жду? — спросил калабрийец, пристально взглянув в глаза пунцовой маски, и засмеялся...

— Пойдемте, пойдемте, — отозвалась она. — Теперь я уверена, что с вами мне нечего бояться. Ведь это вы первым взошли на стену форта Вильены, где тогда заперлись и защищались полторы сотни ваших земляков, таких же храбрых, как вы... Только революционные бредни их с толку сбивали. Тогда вы были только сержантом, зато отряд, которым вы командовали, был одним из доблестнейших отрядов, которыми руководил кардинал Руффо. За Вильену вам и офицерский чин дали.

— Правда! — воскликнул изумленный молодой человек. — Вы разве знаете меня?

А в толпе кто-то воскликнул:

— Вот глупый парень, попался на удочку двум бабам, которым за его счет хочется поужинать.

— Выйдем скорей отсюда, выйдем, — едва слышно обратилось к Рикардо голубое домино.

— Экая важная бабища под красным-то домино, — восхищался пробившийся к нашей группе ряженный почтальоном

и, растопырив руки перед этой соблазнительной для него маской, стал ее упрашивать с ним прогуляться.

А другой, турок, воскликнув: «Мне больше тоненькие нравятся», – собирался подхватить под руку голубое трепещущее домино. Но калабриец, дотоле себя сдерживавший, высвободясь от своих дам, отшвырнул на пол и почтальона, и турка, сорвал с лица свою маску и громко закричал, обращаясь к окружающим его ряженным:

– Теперь вы видите мое лицо, и если не пропустите меня, то, как Бог свят, познакомитесь с моим кинжалом!

Лицо оказалось красивое, смелое, с густыми усами; широкий лоб; черные глаза сверкали. Поняв, что с таким молодцом шутки плохи, ряженные посторонились. Подхватив своих незнакомок, молодой человек наконец вывел их из театра на улицу.

– А теперь позвольте мне вернуться в залу, – сказал он под колоннадой подъезда. Однако голубое домино, еще крепче прижимаясь к нему, с ужасом произнесло:

– Вон они, те, что к нам в ложу врывались; моряк около колонны стоит.

Красное домино тоже просило Рикардо не покидать их, тем более что их обидчики сделали уже несколько шагов по направлению к ним.

– Ради бога, не оставляйте нас. Вы молоды и храбры. Здесь меньше опасности, чем под Вильеной, – говорила пунцовая женщина.

Обе они влекли Рикардо к дворцовой площади, близко держась театральной стены, в нескольких шагах сливавшейся с дворцовой.

— Будьте только осторожны; через несколько минут мы будем в полной безопасности, — говорила старшая.

— Если так... если через несколько минут я могу вернуться на мой пост, то извольте, провожу. И будьте спокойны: я сумею вас защитить.

Но едва красная маска успела прошептать «спасибо», как группа их обидчиков, до тех пор медленно шевелившаяся около колоннады театра, почти ринулась на них с ругательствами.

— Не удерешь от нас, подлая женщина, — кричали они. — Думаешь, что мы не узнали тебя, развратную клятвопреступницу! И домино-то твое окрашено кровью жертв твоих.

Рикардо, оставив женщин за своей спиной, обернулся лицом к обидчикам, спрашивая их, чего им надо от дам, которых он провожает домой из маскарада. Красное домино успело шепнуть капитану: «Отступайте вслед за нами; мы почти у двери и можем скрыться». Но моряк, который, по видимому, руководил остальными тремя обидчиками, ответил Рикардо:

— Если вы стоите за этих женщин, значит, не знаете, кто они. Мы хотим видеть их лица и свести счеты с одной из них. Советую вам предоставить их нам. Идите своей дорогой.

— Этого не будет. Может быть, вам и знакомы эти маски,

но, полагаю, вы меня не знаете. Я капитан Рикардо.

– Вы капитан? – отозвался один из обидчиков. – Как не стыдно честному воину заступаться за эту стерву.

– Будьте благоразумны, еще несколько шагов, и мы спасены, – шептала сзади красная маска, продолжавшая все время двигаться вдоль стены. Она не выпускала из своей руки руку Рикардо и как бы вынуждала его отступать также. Он старался быть спокойным, но кровь его начинала закипать. Он сказал своим противникам:

– Мои маски просят меня быть благоразумным. И вы видите, господа, что я не только спокоен, но и вежлив с вами. Что же касается моего чина, так я не принадлежу к регулярным войскам, а получил звание капитана, сражаясь в отрядах кардинала Руффо.

– Ага, санфедист! – презрительно зарычали все четверо обидчиков. – Это один из тех разбойников, убийц, грабителей...

Но они не успели договорить, так как Рикардо ринулся на них с обнаженным кинжалом. Завязался бой, безмолвный, но отчаянный.

– Вот мы и у двери; скройтесь, следуйте за нами, – говорили калабрийцу обе дамы, перед которыми в дворцовой стене приотворилась маленькая дверь.

Но Рикардо продолжал отбиваться. Через несколько мгновений женщины вошли во дворец. Дверь за ними закрылась. Рикардо, получивший две-три раны, продолжал от-

биваться с успехом: он опасно ранил одного и убил другого противника, и оба они лежали на мостовой без движения. Тогда моряк выстрелил в калабрийца из пистолета и ранил его в грудь. Истекая кровью, Рикардо упал у ступенек дворцовой двери. Оставшиеся в живых обидчики думали, что враг сражен насмерть, покинули и его и трупы двух своих товарищей. Площадь опустела. До нее со стороны Сан-Карло доносились звуки музыки, песен и смеха. Вероятно, около театра кто-нибудь и слышал выстрел, подозревал кровопролитную свалку. Но в те времена люди были привычны к убийствам и грабежам, которые совершались на главных улицах и площадях Неаполя. Все мирные жители старались обходить места, где подозревали лихое дело, отнюдь не вмешиваясь в чужую беду. Когда обидчики удалились, дворцовая дверь снова приотворилась, и два гайдука, подняв капитана, внесли его внутрь здания.

Глава III

Горцы-атаманы в гостях у ее величества

Той же самой ночью в обширной, хотя невысокой зале, стены которой были обиты дорогим штофом и освещены множеством канделябров, висячих и расставленных на консолях перед большими зеркалами, один за другим собирались странные люди, очевидно, не столичные жители. Все они были в темных плащах толстого сукна, какие носят в горных местностях Южной Италии, в Калабрии, в Везувийанской области и землевладельцы разного калибра, и рабочие, и разбойники. Вводил их в залу, поодиночке или парами, старичок почтенной наружности, по одежде судя, духовное лицо.

Эти люди дивились незнакомой им обстановке; даже робели перед ее роскошью; молча, но с какой-то оглядкой, усаживались в удобные кресла, обитые бархатом. Кресла были тремя рядами расставлены посреди зала. Пришельцы озирались, словно не разумея, куда они попали. Очевидно, все они чувствовали себя не в своей тарелке среди штофа и зеркал. Молчали, покашливали ради самоободрения и поворачивали головы каждый раз, когда старичок в черной рясе вводил новое лицо и безмолвно указывал новичку на предназначен-

ное для него кресло.

В зале становилось жарко; гости начинали помаленьку распахивать свои плащи; из-под плащей виднелись короткие кафтаны из темного грубого сукна, с зелеными отворотами и серебряными пуговицами. Просторные жилеты, скорей куртки, с объемистыми охотничьими карманами были или красные, или зеленые, белые отложные воротники спадали на кафтаны. Из-за широких кожаных поясов выглядывали рукоятки пистолетов и кинжалов. Кое-кто стал узнавать знакомых. Почти все оказались горцами, калабрийцами, сражавшимися шесть лет назад в отряде кардинала Руффо, подавившего революцию и недолго прожившую Партенопейскую (Неаполитанскую) республику. Послышались имена партизан, игравших немаловажную роль в подавлении восстания, отголоска французской революции.

– Э! Да это ты, Парафанте! – восклицал один.

– А ты-то как сюда попал, Франкатриппа? – отзывался сосед.

– Да вон и Панедиграно, черт возьми!

– Я-то я, да зачем мы все здесь? Растолкуйте, в чем дело?

– Ну да ты сам зачем сюда приехал?

– Зачем? Надоело мне жить в нашем селе сложа руки. Они у меня, знаешь, вольную работу любят. Забыли меня, думаю, совсем... Когда дьяволу душа твоя нужна, он к тебе всячески ластится, а забрал душу – словно и не знавался никогда с тобой...

– Да у тебя на чертову долю еще душа полна осталась ли?

– Кабы души-то у меня своей не было, так не нападал бы на меня страх, что в пекло попаду, когда умру... А ей-бо-гу, нападает иной раз. Ведь какие дела мы проделывали, когда командовал этот сатана кардинал. Помнишь, в Кольтроне? Андриа памятна тебе? А Антониев день тринадцатого июня в этих республиканских-то городишках?! Я как только закрою глаза, особенно ночью, в потолке так все мне это и представляется. Женщины, малые ребятишки в крови, зарезанные, удушенные, пожарища эти. Мы в огонь еще живыми людей швыряли: у меня и теперь в ушах треск стоит... В домах все залито кровью тех, кто пытался защищать свое добро, мужчин, женщин и детей... И трупы их валяются... Кардинал, как живой, представляется мне в своем красном подряснике. Мы жжем, режем, грабим, а он так ласково нас крестом – что в руке держит – осеняет.

– Ну так чего ж тут! Коли сам кардинал благословлял, значит, и грехи нам отпущены. Я, брат, над такими пустяками не ломаю себе голову. Будто не о чем другом думать... Ты вот лучше скажи, что о нас забыли те, кому мы царство отвоевали. Да!

– Тсс... молчи, лучше будет! Кто их знает, может быть, нас сюда как в ловушку заманили...

– Для чего в ловушку?

– Да... да просто, чтоб нас с дороги убрать. Ведь больно многое нам известно...

– Так зачем же ты-то сюда притащился?

– Тоже скучища начинала одолевать... Принимался было я за путевое дело... Да не такой я человек. Мне поразماشистее дело нужно... К тому же и мошна, в которой я кое-что на старость припас, все мелела да мелела, только на доньшке оставалось. Собирался было я созвать старинных товарищей да попытать счастья хоть на малом, как тогда мы с кардиналом на большом пытали... Вот я надумал было...

– Да, видно, передумал, когда к тебе в хату заглянул один важный барин и сказал, что тебя в Неаполь требуют.

– Вот-вот...

– И отсыпал он тебе пятьдесят дукатов на дорожные расходы. И, кроме того, попросил, чтоб ты озаботился собрать старых товарищей, которые прежде под твоей командой работали.

– Это самое! Да ты-то почему знаешь?

– Очень просто. Этот барин и у меня за таким же делом побывал. А я, признаться, так, как и ты, скучать начинал... Да и мошна тоже отошчала... И я собирался было за свой счет поработать...

– Против короля и королевы, которых мы тогда сами на трон посадили?

– А хоть бы против самого наисвятейшего дьявола.

Покуда между двумя приятелями, случайно очутившимися соседями по бархатным креслам, шел такой разговор почти шепотом, зала наполнялась новыми гостями. Все они,

как и первые, сначала растерянно оглядывались, не сразу решаясь опускаться в богатые мягкие кресла. А если заговаривали между собой, то едва слышно.

– Поди из серебра эти подсвечники вылиты? – интересовался бородач с мрачной физиономией, по костюму – богатый калабрийский крестьянин.

– А то из чего же? – отвечал ему сосед, бодрый старик, морщинистое лицо которого прорезал длинный рубец.

– Эка штука! В таком разе каждый подсвечник стоит не меньше, чем те, что мы нашли в церкви альтамурской. Мне тогда всего один достался; я его в куски поломал, продал тогда за тридцать дукатов. А потратил я на него всего два зряда...

– Дешевенько добыл.

– Недорого. Да ты пойми, мы ведь сам-двадцать были. Как только, бывало, управимся со всеми республиканцами, так промеж себя непременно свары заведем. Иной раз и поколошматимся. Двадцать нас человек, все вместе эту церковь грабили...

– Я церкви всегда уважал, не грабил.

– Да то альтамурская, анафеме была предана, потому что в ней республиканцы защищались; заперлись было... Да еще и капеллан требовал от нас своей части из добычи... Дети-на был этот поп! В одной руке распятие, в другой винтовка. Четверых наших один стоил; только взглянуть на него. Хорошее тогда времечко было. Ась?

– Погодите, опять вернется, – отвечал сосед уверенно и знающе.

– Как? Право? Да ты знаешь, что вернется?

– Тише ты! Ну, где мы теперь, по-твоему?

– Знать не знаю, а хотелось бы разведать! Эти подсвечники на худой конец по сотне дукатов штука стоят.

– Мы, братец, сидим в зале королевского дворца, – прошептал старикашка на ухо приятелю.

– Что ты! Очумел разве?

– Меня провели сначала в арсенал, через низенькую дверь; а потом водили, водили: то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Да меня не обойдешь! Уж я тебе верно говорю: сидим мы с тобой в зале королевского дворца; она в самом нижнем этаже, что к арсеналу, на море выходит. Слышишь, гудит? Это море...

– Пожалуй что... Чего им от нас надобно?

– Ты молчи, узнаешь, потерпи.

Освоившись с внушительной обстановкой и таинственностью положения, гости стали развязнее; говор делался громче; некоторые, завидев знакомых, вставали с указанных им кресел, здоровались, перебирали старые воспоминания.

– А что же о капитане Рикардо ни слуху ни духу? – осведомился тот, кого звали Парафанте.

– Он в Неаполе; надо бы и ему здесь теперь быть, – откликнулся густой бас.

– Эва! Да и ты, Пиетро Торо, с нами! – воскликнули неко-

торые.

— Как видите, вот со мной Магаро и Гиро. Помните их? Вас я сразу признал. По правде сказать, подумывал, что и никогда Бог не судит свидеться. Целых шесть лет не видались.

— Ну, так отчего же Рикардо-то тут не хватает?

— А что мне вам сказать? В театре мы с ним были; надоело мне там, я ушел; даже повздорил с ним. Я ведь не люблю, чтобы мухи около носа меня щекотали. А его я все-таки люблю. Ждал я его, ждал у подъезда, и ждать надоело. Вернулся в залу, а Магаро и Гиро мне сказали, что он ушел с какими-то двумя женщинами. К нам явился какой-то человек, которого нам было наказано ждать на маскараде. И вот сюда привел нас. Думали мы, что и Рикардо уже здесь. Ан ошиблись. Видно, правду говорят, что бабий волос крепче каната тянет.

Странно было видеть всех этих людей в одежде горцев-крестьян, с грубыми, иногда свирепыми лицами, часто исполосованными боевыми рубцами, среди роскошной обстановки, серебряных канделябров, штофных обоев, огромных зеркал.

Да и им самим все кругом было странно. Пуще же всего им было странно сидеть в бархатных креслах, и больше всего интересовали их поставленные в глубине залы лицом к их седалищам три тоже бархатных, но с золотыми украшениями, высоких кресла. Спинка среднего, наиболее высокого,

была увенчана золотой короной. Им казалось, что в эту ночь совершится нечто для них чрезвычайное; что они зачем-то нужны и созваны по весьма важному делу. В их горные захолустья еще не успела проникнуть весть о том, что французское войско идет низложить Бурбонскую династию. Столица Неаполь, в которой они съехались всего несколько часов назад, никаких внешних признаков тревоги не выказывала. В эту самую ночь весь город был поглощен карнавальным маскарадным разгулом, однако, словно в воздухе носилось что-то значительное. Откровенно об этом говорить они не осмеливались, но многие из них, полужемледельцы-полубандиты, втайне питали надежду, что вернулось-таки старое доброе время, когда они могли вовсю отдаваться разгулу своих порочных страстей, не опасаясь кары, даже нередко ожидая похвал и наград. Правда, немало было таких, что по самой своей полудикой натуре были буйны, склонны к насильственным деяниям, охотники до войны. После грабежей и всяческих совершенных ими во время вооруженной борьбы ужасов они становились жалостливы и великодушны. Но когда дрались, умирляли, покоряли, то они были свирепы и беспощадны. Из таких-то людей состояли шайки кардинала Руффо, раздавившего республику Партенопейскую.

Многие из этих людей, вожakov и главарей кардинальских шаек, могли бы оказаться полезнейшими, достойными вождями, если бы их усилия направлялись на более благородные, более идеальные цели.

Весьма немногие из них были вознаграждены Бурбонами за их содействие восстановлению монархии. Бурбоны, неблагодарные, как все короли (или, вернее, как все те, кто успел воспользоваться плодами оказанных им благодеяний), совсем позабыли об этих партизанах, которым были столь обязаны. Впрочем, большинство самих благодетелей этим особенно не гордились и в некотором отношении были довольны, что их игнорировали: за каждым из них водились грехи и преступления, совершенные либо из мести, либо из корысти, либо просто по злобности нрава, преступления, за которые по-настоящему пришлось бы попасть не только в тюрьму, но и на виселицу. Но все эти деяния после услуг, которые оказала престолу партизанская борьба с революцией, были также забыты. Все атаманы могли спокойно проживать в своих деревушках и селах. Награбили они во время междоусобицы достаточно, чтоб жить не нуждаясь; никто им о старом не напоминал. Тем не менее эта безопасность, сопряженная с бездействием, их изрядно тяготила. Не к такому существованию привыкли они. Их тянуло в горы, им было обидно глядеть на ржавевшую в углу хаты винтовку, на печально висевший на стене кинжал, с лезвия которого еще не стерлись пятна крови человеческой.

Понятно, что они не без удовольствия приняли приглашение ехать в Неаполь, еще не зная, ради какой цели. Во всяком случае, их щедро снабдили деньгами на длинный и скучный путь. А главное, им сказано было, что они могут явить-

ся в столицу вооруженные, как в горах. Горец не любит расставаться с оружием. Если приглашают с винтовками и кинжалами, значит, есть надежда на что-то путное. Взбунтовала их надежду и фантазию сама таинственность, которой был обставлен призыв. Им было неизвестно, ни кто их призывает (однако, должно быть, важный и богатый человек, если столько денег дает), ни где их соберут. Только по приезде в Неаполь, да и то почти ночью, их оповестили о часе и месте сборища.

Прибыли они в столицу к вечеру. Вот уже часа два толкуются среди зеркал, сидят в бархатных креслах. Давно миновала полночь. И все-таки они не знают, зачем все это. Нетерпение возрастало; фантазия все ярче разгоралась. Они уже не стеснялись; говорили громко; даже слышались ругательства. Некоторые грозились удалиться. Но все это не помогало. На нетерпеливые протесты гостей никто ничего не возражал. Даже старичок в духовном одеянии, который рассказывал их по креслам, словно совершенно забыл об атаманах. Он давно даже исчез из залы.

– Хоть бы пожрать да выпить дали, – горланил Гиро, обращаясь к Пиетро Торо.

– Я бы одно желал знать, – отозвался последний, – куда это Рикардо запропастился?

– Куда? Туда, где ему лучше, чем нам. Бабенки, что его подтибрили, – знатные бабенки. У одной плечища чудо какие.

– Ну, это ты вздор мелешь. Не такой парень Рикардо. Он знает, что дело есть; не станет со шлюхами прохлаждаться. Беспокоюсь я, беспокоюсь; что-нибудь да не ладно... Города-то я не знаю; весь путанный какой-то, а не то отыскал бы его. А коли утром он не появится, то я хоть до самого короля дойду, да отыщу молодца.

– Ну, полно тебе. Он забавляется себе. А мы тут, как дураки оглашенные, сидим...

– Невтерпеж мне. Уйду отсюда, – воскликнул Торо.

– Да, так тебя и выпустят.

– А кто это меня не выпустит? Посмотрим. У меня руки уж давно чешутся.

– Ты проберешься, и я за тобой. Этот старикашка, что нас сюда затащил, больно уж бесцеремонно с нами обходится.

– Шутки, надо быть, шутит. Я вот ему покажу шутки-то.

– Какие уж шутки, когда этакую уйму деньжищ роздали.

– Друзья мои, – раздался твердый, видимо, привыкший распоряжаться голос, – хочу я вам сообщить мои подозрения. Выслушайте, может, тут дело идет о жизни каждого из нас.

Все смолкли. Говоривший встал на кресло, чтоб его лучше могли слышать. То был Парафанте, едва ли не самый знаменитый из всех калабрийских атаманов. Наружность у него была внушительная, словно нарочно сделанная для господства над массой. Его кровавые деяния были всем хорошо известны и тоже внушительны. Его ввалившиеся глаза были

окружены густыми ресницами и светились, как раскаленные угли; брови тоже густые, широкие. Лицо обросло лохматой нечесаной бородой. Вся его фигура, движения обозначали физическую мощь и безумную отвагу. А это сильно действует на массы.

– Вот что я вам, друзья, сказать хочу, – начал Парафанте, – ведь нас заманили в ловушку.

– Кто заманил? – раздались со всех сторон восклицания.

– Кто? Да известно кто: полиция. Чего нам самих-то себя обманывать: у всякого из нас на совести не без грешков. Пустячные, я знаю, что пустячные. Ну, там недруга своего подстрелили, непокладистую бабенку от мужа утащили, рухлядь какую-нибудь подожгли, чтоб руки погреть себе; ну, там да сям захватили что-либо, иногда денег горсточки две, когда сами были в нужде... Пустяки все это, повторяю. Кабы не пустяки, так не обратились бы к нам за помощью шесть лет тому назад, когда надо было раздавить врагов нашей святой веры, благочестивейшего нашего государя. Мы сделали свое дело. Время идет; теперь мы больше не нужны; вот полиция, чтобы ее не обвиняли в укрывательстве, и ухитрилась нас сюда заманить: кого перестреляют, а кого в каторгу засадят.

– А ей-богу так, – раздались возгласы среди слушателей.

– А если это так, черт возьми... если так, – рявкнул бородач из-под Везувия, давно прельщавшийся канделябрами, – так заберем себе вон те подсвечники, уйдем отсюда и подожжем дом.

– Да, да, подожжем весь дом.

– Потихе вы, приятели, потихе, – слышался спокойный, но твердый голос старика с рубцом поперек лица. – Теперь я слово хочу сказать. И скажу я вам, что все вы, как есть, а вместе с вами Парафанте – сущие зайцы.

Старик, произнося эти слова, тоже влез на кресло, его маленькие глазки светились, и по их выражению видно было, что от слов своих он не отступится.

– Меня! Это ты меня зайцем обозвал, – зарычал Парафанте и тут же, захохотав, прибавил: – Знаешь ты, старикашка, вкус мяса человеческого? А? Аль не отвеदывал?

Старик только было открыл рот, чтобы ответить, как в глубине залы, за тремя высокими креслами широко распахнулась дверь, за которой стояли два длинных ряда камер-лакеев в придворных ливреях; каждый держал по канделябру с зажженными свечами.

Чей-то голос провозгласил:

– Ее величество королева!

Гости словно окаменели; в зале воцарилось мгновенно мертвое молчание; не только внезапность, изумление поразили атаманов: к изумлению и страх примешивался. Много слышали, много толковали все они в своей глуши о короле, о королеве; но никогда их не видывали и не смели думать, что когда-нибудь могут своими собственными глазами видеть их. Воображению и уму этих полудикарей монарх и монархиня смутно представлялись чем-то сверхче-

ловеческим, божественным, но божественным более страшным, чем церковное божество, ибо первое было ближе, на земле, а не на небе. Власть королевская казалась им безграничной, безапелляционной силой, непосредственно распоряжающейся жизнью и смертью всех подданных, в том числе и самих атаманов...

Несколько секунд длилось оцепенение гостей. Потом они зашевелились; сидевшие инстинктивно встали и, затаив дыхание, глядели на распахнувшуюся дверь с жадным любопытством и страхом. Королева появилась между двумя рядами ярко светивших канделябров и плавно приближалась к высоким креслам. Она была в черном бархатном платье, подхваченном на плечах большими алмазными пряжками; скульптурно красивые руки и плечи были обнажены; на голове красовалась небольшая корона, из-под которой ниспадали низко на шею густые золотистые волосы. Она была неописуемо величава; но еще более красива.

Непосредственно за Марией-Каролиной шла стройная молоденькая девушка, блондинка, с скромным симпатичным личиком. Далее следовали придворные и генералы в блестящих мундирах.

– Господи Иисусе Христе! Мать Пресвятая Богородица! – бормотал Пиетро Торо. – Словно в раю!..

– На колени, – произнес чей-то негромкий, но твердый голос.

И все эти свиреполицы атаманы, грабители и убийцы,

большинство которых совершили не одно ужаснейшее преступление, не только стали на колени, но инстинктивно пали ниц, лицом на пол, перед королевским величием.

В голубых глазах Каролины Австрийской, в глазах, умевших поражать, смотря по надобности, и неумолимой злобой, и нежной любовью, теперь сверкнуло непритворно радостное торжество. Несколько секунд она недвижимо стояла перед креслом, украшенным короной, словно безмолвно наслаждаясь зрелищем простершихся перед нею атаманов. Села и голосом повелительно-благодарным произнесла:

– Встаньте!

Но так как никто не вставал, – кто недослышал, кто робел, – то она громко и настойчиво повторила:

– Мы повелеваем вам встать.

Головы приподнялись с полу; спины выпрямились; все эти люди, как один человек, поднялись на ноги.

Тишина не нарушалась; большинство даже дыхание сдерживало...

– Друзья мои! – наконец заговорила королева, – посланный, созвавший вас сюда, действовал по моему приказанию. Но для вас было лучше, чтобы вы до сей минуты не знали этого. Я знаю, что у каждого из вас немало врагов. Даже при дворе есть лица, завидующие вам за прошлое, за то, что вы оказали нашей монархии столь важные услуги. Если бы я не заботилась о вас все эти годы, кто знает, что бы с вами случилось. Многим пришлось бы работать на каторге; а иные, ве-

роятно, тлели бы в общей могиле казненных преступников.

По толпе гостей пробежал трепет.

Королева продолжала:

– Вы, Франкатрипа, должны были бы дать отчет во множестве убийств и поджогов, в которых вас обвиняют ваши враги. Вы, Парафанте, вы, Панедиграно, вы, Бенинказа, вы, Фра-Диаволо⁵, вы, Спакафорно, – обвинялись во многих преступных деяниях. Я знаю, что все это клевета. Но тем не менее они могли бы привести вас к виселице. Однако ваша королева заботилась о вас и устраняла от вас опасность.

– Ваше величество, до гроба за вас Бога молить станем. Воистину все это одни наветы, неповинны мы, государыня, – слышалось в толпе предстоящих.

– Да, я знаю, что наветы. Иначе я бы не созвала вас в Неаполь. А созвала я вас потому, что должна скоро покинуть столицу и ехать в Сицилию, где уже находится теперь король. И тогда наше несчастное королевство вновь останется во власти исчадий ада, еретиков, злоумышляющих против нашего престола, дарованного нам Господом Богом, против нашей святой веры. Враги эти не будут иметь возможности поразить лично нас, но они выместят злобу свою на вернейших наших подданных. Они вновь вспомнят наветы, направленные против вас, и доведут вас до каторги, до виселицы, от которых мне до сих пор удавалось спасать наших верных

---

⁵ Имена исторических, так сказать, южноитальянских разбойников того времени. Фра-Диаволо, как известно, прославлен прелестной музыкой Обера.

подданных.

Она на минуту смолкла, чтобы проверить впечатление, произведенное ее словами. В стоявшей среди залы толпе пробегал сердитый ропот; лица некоторых побледнели; у других пылали злобой. Стоявшие сзади, в отдалении от государыни, позволяли себе угрожающие восклицания.

– Карабин-то мой еще не оплошает!

– Кинжал у меня не дурак!

– Пусть придут еретики! Справимся!

– Слушайте же, друзья, – заговорила опять королева, очень довольная, что слова ее оказали желанное действие, – слушайте. Ваши дела и мои дела – все одно; я вас не покину. Поэтому-то я и собрала вас около себя. Если вы мне доверяете, и я доверяю вам. И вот что я поведаю. Французы и вам и мне враги. Они посылают опять свое войско к нам, чтобы овладеть нашим королевством, как шесть-семь лет тому назад. Но другие государи, наши союзники, которые уже раз помогли нам вытеснить французов, опять шлют помощь; войско их еще более сильное, чем прежде, так что проклятые Господом еретики, желающие ворваться в нашу родину затем, чтобы грабить наших подданных, насиловать наших женщин, оскорблять наших святых угодников и Пречистую Владычицу Небесную, – очутятся между двух огней. С одной стороны, ваши верные винтовки и ружья королевских солдат, а с другой – войска двух императоров, наших друзей и свойственников, императоров австрийского и русского. Так

вот: желаете ли вы в этом святом деле стоять на стороне вашего короля, моего августейшего супруга, и на моей? Желаете ли вы вновь доказать этим негодным иноземцам, этим выходцам из преисподней, которых вы раньше уже обращали в бегство, желаете ли, говорю я, доказать им еще раз вашу силу? Каждый из вас в одиночку управится с ними десятью.

– Да, да... желаем! Мы готовы! – восклицали атаманы, увлеченные не только словами королевы, но и ослепительной красотой женщины, взывавшей к ним о помощи. Не только ее лицо было привлекательно, но и обнаженные полные руки и плечи, особенно в ярком свете и блестящей придворной обстановке, опьяняли пылких героев.

Помолчав с минуту, чтоб дать время разгореться энтузиазму своих слушателей, королева наконец высказалась о главнейшем.

– Желаете ли вы покарать от священного имени короля, а также от моего всех наших подданных, которые по прирожденной ли им злобе, по увлечению ли сатанинским революционным духом, или по низкому честолюбию, перейдут на сторону наших врагов, поднимут оружие против вас, защитников монархии, и против религии. Я от имени государя предоставляю в вашу власть личности этих нечестивцев, их жилища, имущества, женщин и детей. Истребите огнем и мечом самые корни этих злокачественных плевелов, даже если бы они искали убежища у самых алтарей. Его святейшество папа шлет благословение и отпущение всех грехов, которые

вам пришлось бы совершить ради торжества нашей веры... А когда вы завершите ваше великое дело, то мы не забудем вас. Все имущество, захваченное вами у врагов ваших, будет по справедливости признано законно вам принадлежащим. Всепрощенье грехов ваших несомненно. Благословение святейшего отца низойдет на защитников католической церкви... Скажите же мне: хотите ли вы быть с нами?

– Да, да, желаем!.. Да здравствует наша королева! – восклицала в восторге толпа. Крики потрясали стены зала; восторг доходил до опьянения.

Вернулось, значит, доброе старое времечко! В пылком южном воображении горцев-атаманов уже носились пленительные видения кровавой борьбы, пышных пиршеств, оргий, необузданного грабежа и обогащения, и притом полной безответственности перед законом. Ничто в мире не было так ненавистно этим людям, как формальные стеснения со стороны властей ради порядка и общественной безопасности. Надо, конечно, рисковать жизнью... Но что значит целая жизнь по сравнению с годом – даже только одним месяцем – свободного разгула воинственных страстей. Отцы их говорили: «Лучше год быком, чем сто лет волком». Да и умирать с оружием в руках, в бою, под открытым небом куда лучше, чем околевать в своей норе, на соломе под старость, прожив многие десятки лет под ярмом нелепых стеснений и работы, как раб, – умирать долго, медленно, чувствуя, как болезнь гложет, рвет их мясо и кости...

Восторги доходили до стихийности. Атаманы восклицали, махали руками, перекликались с товарищами, стоявшими подальше, здорово переталкивались от радости кулаками с соседями и хохотали, беспрестанно повторяя громкий клич:

– Да здравствует королева!

С лица королевы не сходила благосклонно-добродушная улыбка; глаза с видимым удовольствием наблюдали за разыгравшейся перед ними сценой.

Однако, дав атаманам нарадоваться, королева серьезно, почти строго, обратилась к ним опять. Они стихли.

– Мой казначей, – произнесла она, – выдаст вам деньги на обратный путь. Приехав домой, созовите всех своих старых боевых товарищей, а также всех, кто пожелает пристать к нашему делу. Позаботьтесь, чтобы люди были вооружены хорошо, вербуйте как можно больше людей смелых. Вождь каждого значительного отряда будет на правах командира полка. Одновременно с вами прибудет мой особый уполномоченный и позаботится обо всем, что вам нужно. Главное же – ни малейшего промедления. Как только враг вступит в королевство, начинайте свое дело: истребляйте всех, кто склонен пристать к нему. Впрочем, вам не замедлят передать наши дальнейшие указания. А покуда каждый из вас должен целовать крест, поклясться в верности королю и святой вере нашей.

Королева сделала знак рукой по направлению к свите.

Один из придворных, приблизившись к ней с поклоном, вручил ей серебряное распятие. Каролина встала и, подняв высоко крест, торжественно произнесла:

– Клянетесь ли вы защищать трон и алтарь, не щадя живота своего?

– Клянемся! – как один человек, отозвались присутствующие.

– Клянетесь ли вы истреблять без пристрастия всех – земляков и чужаков – врагов наших?

– Клянемся! – отвечали атаманы, протягивая правые руки по направлению к распятию и тем как бы подтверждая клятву.

– А теперь, – прибавила Каролина Австрийская, сияя торжеством, что еще более увеличивало ее красоту и величавость, – приблизьтесь целовать крест. Да благословит вас Всемогуший, как благословляю вас я, именем короля, власть которого только от Бога. А в знак нашего королевского благоволения допускаю вас поцеловать мою руку.

Толпа ринулась к Каролине с громким возгласом:

– Да здравствует королева!

Странно, но исторически неоспоримо, что никто не крикнул: «Да здравствует король».

Происходило это оттого, что для таких загробелых, можно сказать, примитивных, людей в данную минуту монархия олицетворялась королевой: они понимали важность момента и не только не видели короля, но понимали, что он бе-

жал со своего поста. В королеве же, поразившей их своей красотой и обращением, они инстинктивно угадывали те же чувства, которые их самих волновали: ненависть, жажду мести, потребность борьбы, смелость и упорство. К тому же она удостоила их неслыханной чести: разговаривала с ними, допустила к своей руке. С этого момента она могла безгранично на них положиться. Более даже, чем полагался кардинал Руффо, который увлек их за собой в 1800 году, благодаря религиозным предрассудкам, прирожденной ненависти к чужеземцам и жажде добычи.

Все это королева хорошо понимала.

Глава IV

Королева дома

Возвратившись в свои апартаменты, она отпустила ожидавших ее там камер-фрейлин.

– Удалитесь, – сказала она, – мне еще надо заняться работой.

Она приблизилась к столу, заваленному документами и пакетами. Одно за другим она открывала и пробежала письма. Но читала как-то рассеянно, и сама, казалось, чувствовала это; не могла сосредоточиться. Губы ее складывались в улыбку, которую можно назвать жестокой, а взгляд был мрачен и свиреп.

Она вдруг как будто вспомнила о чем-то, бросила на стол письмо, которое читала, встала и направилась к двери. Но, не дойдя до нее, досадливо махнула рукой, и на лице ее выразилась досада: в тени около двери она увидела ту молодую девушку, свою новую фаворитку, которую оставляла при себе и в королевской ложе Сан-Карло, и во время совещания с атаманами.

– Что вы тут делаете, Альма? – спросила Каролина, пытливо вглядываясь в хорошенькую стройную особу. – Я ведь сказала, что хочу остаться одна...

– Я полагала, что приказание вашего величества не касается меня, – мягко, но с оттенком неудовольствия отозвалась

Альма.

Лицо королевы в тот же миг утратило мрачное выражение, и она обратилась к девушке мягко, добродушно, почти любовно:

– Да-да, ты не ошиблась, дитя мое. Это я сама спутала. Столько у меня накопилось забот! Все надо обдумать... Видела ты, какую отличную встречу я подготовила французам и какой славный праздник задам всем нашим пустомелям, которые только и ждут наполеоновских войск, чтобы восстать опять против того, кого сам Бог поставил их повелителем, и объявить республику. Ты, кажется, очень утомилась, бедная девочка, – начала опять Каролина, – это я виновата. Хотя, признаться, я надеялась тебя повеселить. Ведь ты никогда не бывала на маскараде. А там, в толпе, случается забавное... я так понимаю жизнь: успевай выполнять все свои обязанности, но не упускай по возможности приятных сторон существования, наслаждений... Впрочем, ты, как кроткая голубка, выросла в горах и лесах... Быть может, тебе кажется непристойным, что королева надевает домино, маску, отправляется на маскарад.

– Я повиновалась воле вашего величества, – тихо ответила Альма.

– У моего величества бывают иногда самые буржуазные капризы, как видишь... Но это ничему не мешает. Говорят, моя рука хорошенькая, маленькая... А она, как бы там ни было, сумеет, если понадобится, и саблю держать, и владеть

ею для защиты этого бедного королевства, которое покинули мужчины на жертву своим врагам... Может быть, тебе казалось, что я роняю мое достоинство, смешиваясь с разгульной толпой. Зато ты видела меня и с теми людьми, которые готовы охранять от опасности трон моего мужа и сына.

– Я не смею обсуждать поступки моей государыни, – робко отвечала молодая девушка, опуская глаза, через которые словно в душу проникал ласковый, но испытующий взгляд Каролины.

– Ну, да, вообще сегодня нам маскарад не удался. А прежде случалось, что я там очень веселилась инкогнито. Очень даже бывало забавно. Если бы не эти негодяи, что нынче ворвались к нам в ложу, то ты могла бы поразвлечься. Мне этого-то и хотелось. За тобой бы ухаживали, не зная, что ты дочь герцога Фаньяно. Ты ведь и в маске прелестна. Я, бывало, совсем увлекалась, около меня шутили, хохотали, и я тоже смеялась и дурачилась. Никто меня не узнавал; я сама забывала свое положение, забывала о себе. Другим под маской я казалась простой веселой бабенкой...

– Вашему величеству угодно, чтобы я ушла? – спросила Альма.

– Да, иди. Ты устала, бедняжка.

Молодая девушка удалилась, сделав низкий реверанс. Королева проводила ее долгим мечтательным взором, вспоминая свою молодость.

– И я в ее годы была такая же, – размышляла Каролина. –

Не дай бог, чтоб она рано начала влюбляться...

При этом мысль ее перенеслась к молодому человеку, защищавшему их отступление с маскарада, — красавец, смелый... Настоящий паладин. «Заметки о калабрийских атаманах, прочитанные много ранее, не обманули меня. Его нетрудно зачислить в королевское войско. Раньше, чем поступить волонтером в отряд кардинала, этот Рикардо служил сержантом в королевских карабинерах... Мне нынче особенно нужны подобные молодцы... Надо будет и им заняться. Мне нетрудно будет приручить его».

Она несколько минут раздумывала, словно колебалась, лицо то хмурилось, то прояснялось.

«Ну так что ж такое! — наконец почти вслух произнесла Каролина. — Я ему обязана жизнью, а признательность — первая добродетель монархов».

Только по сладостной улыбке, разлившейся по ее лицу, иной мог бы заключить, что чувство, охватившее ее в это мгновение, называлось другим именем.

«Он очень красив, бесстрашен, ни перед чем не остановится... Да, такие мне и нужны... Молод, правда, даже слишком молод, что за беда! Мне стукнуло пятьдесят... А Нинон де Ланкло? Да, кроме того, мое положение не то, что у бедной Нинон...»

Королева еще не скинула с себя того платья, в котором ее видели атаманы.

Она взяла со стола небольшую серебряную лампочку-фо-

нарь и направилась в дальние апартаменты дворца, не обитаемые и не освещенные.

Глава V

Капитан Рикардо. – Кто он и где он? – Петр Бык

Раненый Рикардо очнулся не скоро после того, как его унесли с мостовой. Он очнулся только под утро и с изумлением осматривал роскошно убранную комнату, в которую попал неведомо как. В таких палатах он в жизни не бывал, на такой мягкой богатой постели никогда не леживал. Многие предметы, украшавшие комнату, были даже непонятны для него. С потолка мягко светила лампада. Он смутно в полубреду припоминал то, что с ним случилось в эту ночь. Мелькнула мысль о посланном, которого он должен был ждать в Сан-Карло и который, конечно, его не нашел: ему стало досадно и стыдно. Он опять забылся.

Наступало зимнее утро, хотя еще не рассвело. Издалека было слышно, что город начинает шевелиться. Но около Рикардо царила полная тишина... Однако он опять очнулся, и взгляд его упал на картину на противоположной стене.

– О, какая прелесть! – невольно вырвалось у молодого человека.

Картина, находившаяся у самого пола, изображала красивую женщину с обнаженными роскошными плечами и руками. Женщина плавно выдвинулась из рамки, приближаясь к

нему.

Он думал, что это ему грезится, что это сон, бред, и стал ощупывать одеяло, кровать, свои руки, но через несколько мгновений от слабости и напряжения мысли опять забылся.

Королева подошла к самой его постели, пристально глядела на него, любовалась, как-то невольно провела рукой по его волосам. Потом зорко окинула взглядом всю комнату и, убедившись, что раненый окружен всем для него необходимым, удалилась через ту же дверь, в которую вошла. Дверь беззвучно заперлась, и ее покрыл висевший над ней гобелен.

Когда раненый проснулся, – его глаза не могли нигде отыскать ни видения, ни картины, ни красавицы.

«Несомненно, все это мне приснилось», – подумал он и пожалел, что то был только сон.

А Каролина в это самое время уже принимала тех из сановников, которые еще не покинули столицы с королем. Она совещалась о том, как, ввиду соглашения с атаманами, надлежит организовать защиту государства от вторжения французов.

Рикардо был окружен действительно всем, что в его положении было необходимо. Пожилой добродушный доктор благополучно вынул пулю, попавшую в неопасную часть туловища, навещал больного по два раза в день, залечивал другие менее важные раны, беседовал с пациентом. Солидный слуга, видимо, умевший ухаживать за больными, исполнял приказания врача, приносил вкусную пищу, помогал оде-

ваться, когда Рикардо был уже в силах встать с постели.

Окровавленное в ночном бою платье заменили новым. Рикардо любил читать, конечно, по своему скудному образованию, по преимуществу о рыцарских и романтических приключениях. Ему приносили книги.

Но, кроме этих лиц, к нему никто не заглядывал, и эти двое безусловно уклонялись отвечать на его вопросы о том, где он находится, кто его неведомый покровитель.

— Дней через восемь, — успокаивал врач, — мы вас совершенно вылечим... И раньше, чем вы отсюда удалитесь, вы узнаете, кто заботится о вас, а покуда хозяин этого дома в отъезде.

Молодому горцу тем не менее так надоело заточение, что он подумывал, еще не долечившись, о бегстве. Однако убедился в невозможности этого. Из больших, огражденных изящными чугунными решетками окон видно было только море. За порогом его спальни невидимо, но ощутимо стерегли каждый его шаг. Иногда он был уверен, что находится в королевском дворце; но когда заводил с доктором речь о таких догадках, тот очень добродушно, но искусно опровергал их и даже подсмеивался над капитаном. Да и сам Рикардо готов был нередко полагать, что подобные мысли приходят ему в голову потому, что он с детства начитался рыцарских романов, да и теперь только ими занято его время.

Рикардо родился в калабрийских горах и всю юность там провел. С тех пор, как он себя помнил, он не расставался с

неким Кармине, простым земледельцем, жившим скудными доходами с собственного клочка земли, которую обрабатывал собственными же руками. Он в раннем детстве считал Кармине своим отцом, хотя звал его, как и все окрест, дядя Кармине. Кармине не был женат, но глас народа решил, что Рикардо его незаконнорожденный сын от вдовы Гертруды, которую (не без основания) считали его возлюбленной. Сам Кармине и посторонним и мальчику говорил, что последний был найден в лесу. Но этому мало кто верил, ибо очень уж крепко старик любил найденыша.

Он усердно учил мальчика тем работам, которыми занимался сам – обработке земли, рубке леса и т. д. И не менее усердно заботился о возможном его образовании, что в те времена было весьма затруднительно. Старик посылал его в единственную, содержавшуюся патером школу во все свободное от работ время, умел находить для того довольно много свободного времени, просил учителя учить отрока как можно лучше и подробнее и – небывалое дело в той среде – не отрывал его от учения почти до восемнадцати лет.

Рикардо был способный мальчик, легко преуспевал в науках, любил читать. Нрав у него был добрый, он располагал к себе всех и на любовь дяди Кармине отвечал искренней привязанностью.

Кроме Кармине, его очень любил и по-своему заботился о нем приятель и ровесник его дяди Пиетро Торо, которого прозвали так (Торо – бык) за его мощную фигуру. Пиетро,

как и многие его соседи-земляки, не был ни мужиком, ни барином, ни купцом. Он сам с помощью наемного рабочего обрабатывал землю и занимался мелкими промыслами. Молодость его прошла весьма бурно. Он влюбился в девушку, которая совсем не любила его, даже имела отвращение к его бычьей наружности, однако вышла замуж, прельщенная землицей, домиком и виноградником, которые достались ему от отца. Вскоре Торо, благодаря услужливым соседям, воочию убедился в измене жены, застав ее в объятиях лесного сторожа; будучи человеком нрава необузданного, он задавил их на месте, почти мгновенно и одновременно: ее правой, а его левой рукой. Ему предстояла виселица. Он, как это делается обыкновенно в Южной Италии, скрылся в родные леса, присоединился к шайке бандитов. Не будучи от природы кровожадным, он не участвовал в грабежах и кровопролитных предприятиях; однако, чтоб не умереть с голоду, собирал по обычаю скромную дань с богатых землевладельцев и обладателей больших стад. Случалось, он и в родное село заглядывал, чтоб побеседовать с приятелями, которые его уважали за простодушно-честный нрав. Даже многие землевладельцы, так называемые синьоры, интересовались им и добровольно снабжали его средствами с тем, чтобы он оставлял в покое их собственность. Нрава Торо был веселого; забавный был человек.

Когда отголоски большой французской революции отозвались (к концу XVIII века) в Южной Италии либеральны-

ми волнениями, изгнанием Бурбонов из Неаполя, провозглашением Партенопейской республики, Пиетро Торо одним из первых вступил в войско, собираемое кардиналом Руффо для подавления революции и для борьбы с французами. Во время этой партизанской войны он всем доказал, что его смелость и сметка равняются его бычьей силе. В 1800 году, после возвращения Бурбонов, Торо, как и многие бандиты и даже разбойники, как бы искупившие свои старинные преступления участием в вооруженном восстановлении прежнего режима, возвратился в родное село и принялся за обработку своих наследственных земли и виноградника.

Власти действительно оставляли в покое и Пиетро, и многих ему подобных бандитов, вернувшихся из лесов. Соседи уважали его еще более прежнего.

Рикардо с самого раннего детства привык видеть в нем лучшего, после дяди Кармине, друга. Во время десятилетнего пребывания Торо в лесах мальчик часто проводил с ним в горах по несколько дней. Когда Рикардо опасно заболел, Торо, рискуя попасть в руки карабинеров, проводил ночи в домике Кармине и ухаживал за больным.

Торо всегда подозревал в своем юном друге воинственные наклонности и изрядную долю честолюбия, он не задумался, поступив в войско Руффо, привлечь туда и Рикардо. Последнему было уже двадцать лет. Кардинал обратил особое внимание на смышленность и храбрость молодого человека, сразу определил его в отборный отряд, называемый королев-

ские калабрийцы (Real Calabria). А когда Рикардо особенно полезно для дела отличился при Котрони, Вильене и проч., назначил его капитаном.

Надо заметить, что молодой человек, невзирая на свою горячность и отвагу, всегда избегал тех жестоких грабительских деяний, до которых было падко большинство партизанов кардинальского войска.

По окончании же этой кровопролитной кампании оба друга, Торо и Рикардо, остались как бы на мели, не знали, что с собою делать. Кардинал Руффо, сложив свои полномочия, удалился. Все атаманы распустили свои отряды, вернее шайки. Король вернулся из Сицилии в отвоеванный для него Неаполь, но, казалось, забыл о тех, кто за него воевал. Даже чины, пожалованные партизанам кардиналом, не были утверждены королем, хотя и не отменялись.

Так прошло шесть лет. Французы опять надвигались на юг Италии, Фердинанд IV снова удалился в добровольное изгнание, а его жена, сестра уже погибшей Марии-Антуанетты, собрала старых партизан в Неаполь, где все они очутились как в лесу.

Торо, Магаро, Гиро и Рикардо приехали вместе в столицу, где никогда не бывали.

Глава VI

Ночь королевы. – Сочетание расчета со страстью

Благодаря молодости и хорошему уходу лечение Рикардо шло быстро. Однако протекло более недели с маскарадной ночи, а доктор и неведомая власть продолжали держать его взаперти. Горец начинал терять терпение, тосковал по горам, по товарищам! Его тревожило, что Пиетро Торо, Гиро и Магаро считают его чуть ли не изменником; приехали вместе в столицу, он же заставлял их ждать в Сан-Карло какой-то вести, несомненно, важной, и вдруг, подхваченный двумя женщинами, бесследно исчез и голоса не подает целую неделю.

О соблазнительной женщине на картине он часто задумывался; молодая кровь начинала закипать в одиночестве. Но и красавица, и сама картина более не появлялись; хотя ему по временам и мнилось, что то был не бред, – но что пользы.

Однажды доктор обнадежил Рикардо, что не завтра, так послезавтра его выпустят: и раны залечены, и особа, ему покровительствующая, должна вернуться с часу на час в Неаполь.

Наступила ночь. Калабриец давно крепко спал. Лампада лила мягкий свет на всю комнату, заботливо поставленная около его кровати ширма скрывала от него свет и погружала

в полутьму ближайшие предметы.

Царила глубокая тишина.

Эту тишину внезапно нарушил тонкий, как отдаленный писк цикады, скрип двери за гобеленом. Гобелен приподнялся и опустился за вошедшей в комнату женщиной. Беззвучно пройдя освещенное лампадой пространство, она приблизилась к кровати, где было полутемно, и быстро, осторожно, почти не дыша, насыпала из какого-то крошечного золотого флакончика небольшую щепотку белого порошка в пустой стакан, стоявший на столике.

Она была облечена в легкую черную весталку (так называли тогда капот-накидку), руки были обнажены, на пышные белые плечи спадали не менее пышные светлые волосы, вишневые губы горели и трепетали, глаза искрились страстью.

Рикардо спал. Его античный торс, руки, голова и черные кудри разметались по мягким белым подушкам... Он почувствовал, что чьи-то губы прильнули к его губам, чьи-то руки мягко обхватили его тело... Что это? – наяву или во сне... Он очнулся, открыл глаза. Это не может быть бредом, как в первую ночь: ведь он теперь здоров... Он громко воскликнул:

– Вы! Это вы пришли?

И слегка отстранился от женщины, чтобы лучше разглядеть ее.

– Говорите как можно тише, – даже не прошептала, а словно продышала она.

Сон то или нет, но Рикардо почувствовал, что его охватывает страстное блаженство от прикосновения ночной гостьи.

– Это я ваш портрет видел в первую ночь на стене? Потом его убрали?

– Нет, нет...

– Но такое сходство! Вы – та маска, которая просила меня в маскараде проводить ее.

– Да, да... Только тише...

– Я помню. Я и тогда подумал, что вы красавица. Но теперь, когда я могу любоваться вами... Я и представить себе не мог...

Лаская руками ее пышные волосы, он еще несколько отстранял от себя ее лицо, чтоб упиться его красотой.

– Если б я раньше, после маскарада, видел вас, как теперь, и меня бы убили за вас, я бы был уже счастлив и вознагражден, – повторял пылкий юноша. – Отчего же вы раньше не навестили меня?..

Женщина опять склонилась к нему и нежно ласкала его своими маленькими ручками.

– Вы были ранены, больны... я не хотела вас тревожить, знала, что вам необходимо избегать всякого, самого ничтожного волнения.

– Понимаю... Боже, здесь почти темно... А как вы должны быть дивно хороши в солнечном свете... Скажите мне, кто голубая маска, которая была с вами?

– Моя камеристка.

Ответ был лаконичен и почти резок. Он несколько удивился: в маскараде из-под голубой маски он слышал словно знакомый голос. Пурпурное домино, как ему помнилось, назвала свою спутницу Альмой, а это имя было ему с ранней юности известно на родине. Но эта мысль теперь проскользнула, как молния, и исчезла в обаянии, исходившем от женщины, близко склонявшейся к нему... Он невольно притянул ее к себе и шептал:

– Скажи же, скажи, кто ты? Имя я хочу знать.

– Я тебе нравлюсь? – спросила она с улыбкой, которая словно все вокруг осветила.

– Да, да. Ты дивно хороша...

– Ну и зови меня, как хочешь: наслаждением, страстью, любовью...

– О да!.. Наслаждение, страсть...

– Отчего ты недоговариваешь: любовь?.. Или ты любишь другую...

Когда она произнесла эти слова, ее верхняя, чуточку выдающаяся вперед губа задрожала, и в голубых глазах, столь нежных в мгновения лобзаний, промелькнуло какое-то ехидное выражение хищного зверя.

– Любовь! – тихо произнес молодой человек, задумавшись на несколько секунд и чуточку отстранив свое лицо от своей соблазнительницы. – Да, и любовь!.. Нет, меня никогда никакая женщина не любила, – добавил он с истинно калабрийским лукавством, хотя и сказал правду. И сейчас же ска-

зал: – Конечно, жизнь моя беспорядочная. Многим женщинам я нравился, многие нравились мне... Но любить? Нет, любви не было.

И смолк в страстном забытии, опьяненный возобновившимися ласками незнакомки, чувствуя, что ее взгляды пронизывают всю его душу.

– А меня ты будешь любить? Всегда?.. Любовь на жизнь и на смерть?

– Да, на жизнь и на смерть.

Она словно боролась с собой, боясь слишком ясно высказаться, и произнесла твердым голосом:

– Только смотри, остерегайся... Моя любовь из тех, что убивают человека, но могут и возвысить его. Она как солнце: и сжигает, и благодетельствует.

– Что мне за дело – жизнь, смерть, ад, рай – все равно! – воскликнул совершенно поработанный страстью юноша.

– Вот таким, именно таким я представляла себе тебя... Таким я хотела тебя! – отвечала она, вся трепещущая от вождения.

Сколько протекло часов, они сами не могли бы сказать. Часы блаженства обращаются в секунды. Секунды страданий обращаются в годы, в вечность.

– Ты хочешь пить? – нежно спросила она, когда оба успокоились.

Он, приподнявшись на локте, жадно любовался этой мраморной статуей, которая еще трепетала любовью.

– Ты хочешь пить? Вот я вижу на столике стакан и бутылку токайского. Ты любишь это царственное вино?

Она встала.

– Дай, – прошептал он, – все, что от тебя, прекрасно...

Она подала ему розовый стакан и бутылку, он налил вина.

– Прежде выпей ты, – предложил он.

– Нет, пей ты.

– Нет, ни за что не буду прежде тебя, моя радость.

– А я говорю: пей... Я так хочу. – И в ее голосе звучало настойчивое приказание.

– Не сердись же. Какая ты горячая! – несколько изумленно отозвался Рикардо. – Знаешь, и я тоже умею сердиться. Я и с женщинами умею быть настойчивым мужчиной.

– А! умеешь быть мужчиной? Я это люблю... Я до сих пор всегда жила с мужчинами, которым следовало бы быть бабами... Даже король уехал в Сицилию...

– Что нам за дело до короля?

– Как нам нет дела до короля? Мы неаполитанцы. В такое смутное время его присутствие в столице необходимо.

– Ну, оставим в покое политику и бедного короля, за которого и мне пришлось несколько крови пролить.

– А королева?

– Много я о ней всего худого наслышался. А впрочем, тоже говорят, что она умна, горда, зла не забывает, но уступать не любит, своего добьется.

– Да, пожалуй, так – только около нее нет энергичного

мужчины, на которого она могла бы опереться, — заметила Каролина, пододвигая стакан к молодому человеку, и поспешно добавила: — Однако пей же вино, у тебя жажда. Выпей, дорогой. Видишь, я прошу тебя, рыцарь мой прекрасный. Не сердись, что я капризничаю...

— Вот хорошо. Коли так — я хоть яд выпью, — произнес Рикардо и осушил стакан.

Она взяла стакан из его рук, налила для себя вина, поднесла его к губам и, воспользовавшись мгновением, когда Рикардо взглянул в другую сторону, выронила стакан; он разбился.

— Ах, какая я неуклюжая! — воскликнула она и, не дав ему ответить, заключила молодого человека в свои объятия...

Глава VII

Рикардо возвращен друзьям. –

Высочайшая милость. –

Отплытие королевы из столицы

Через несколько часов после описанной в шестой главе сцены, рано утром, январское солнце сияло ярко, воздух был мягок и море ласково. На пустынном побережье Гранилли, за городом, на дне лодки, вытасченной на песок, спал глубоким сном молодой человек в щегольской, новой одежде калабрийца. Его голова покоилась на довольно большом, мягком, кожаном мешке-чемоданчике.

В нескольких шагах от лодки то сидели на обломке утеса, то прохаживались по берегу, поглядывая на спящего, трое мужчин, тоже в калабрийском платье, однако подержанном и местами даже заплатавшем. Недалеко от них были привязаны три оседланные лошади.

Спал в лодке Рикардо. Сторожили его сон трое земляков: старый Пиетро Торо, Гиро и Магаро, калабрийские горцы, которых мы видели у королевы. Они беспокойно разговаривали между собой, чего-то не понимали и, решив, что их товарищ неестественно долго спит, разбудили его наконец. Это оказалось не очень легко.

Проснувшись, Рикардо озирался кругом и как будто ди-

вился еще более земляков. Он их спрашивал, как они сюда попали. Они, в свою очередь, интересовались: почему он отсутствовал, когда они все представлялись королеве, и как он очутился спящим в лодке?

Атаманы поведали ему, что после представления королеве все их товарищи разъехались дня через два в горы. Их же задержало неизвестное им лицо, попросив их от имени Рикардо пробыть еще несколько дней в столице, чтобы пуститься в путь вместе с ним. Что лицо, сообщавшее им это, было почтенного вида и достойно доверия, показывали деньги, и довольно в их глазах крупные, которые этот господин выдавал им от имени как в воду канувшего земляка на проживание в Неаполе. Этот же господин на рассвете сегодня дал им – опять от имени Рикардо – трех лошадей и приказал ехать за город к морю, у Гранилли, обещая, что там они непременно встретятся с молодым приятелем.

Все это весьма изумило Рикардо. Но он, очнувшись окончательно от тяжелого сна и вспомнив свои странные за последние дни, а особенно за последнюю ночь, приключения, счел за лучшее скрыть свое изумление, ничего не возражать, а о себе самом ничего не говорил тем более, что и сам не знал, как попал в Гранилли. Сказал он только, что имел неожиданные дела, задержавшие его.

Товарищи тоже не возражали, но удовлетворены, кажется, не были. И он и они понимали одно: что на конях, которые получили в подарок, им должно немедленно ехать в

родные горы и не медлить долее исполнением повелений королевы, данных ей на ночном заседании. Чтобы спокойнее разобраться в мыслях и на свободе ознакомиться с неизвестным ему также содержимым чемоданчика, кем-то подложенного ему под голову в лодку, молодой человек предложил приятелям идти закусить на дорогу в ближайшей остерии, а ему принести кусок хлеба с сыром да стакан вина.

Рикардо был моложе их, но он кое-чему учился, получил некоторое образование; свою боевую карьеру начал очень рано и сразу блистательно отличился. Теперь он был одет и вооружен куда лучше их, и какие-то у него дела оказывались особенные, вероятно, связанные с теми, которые занимали остальных атаманов с самой роковой ночи, проведенной в зале королевского дворца. Так рассуждали старшие земляки.

Все это вместе – и особенно «княжеское» отменное оружие Рикардо, и приказание неизвестного человека передать лучшую лошадь Рикардо – импонировало простым людям. В данный момент они охотно повиновались ему.

Оставшись один, он почувствовал во всем своем юношеском теле еще не остывшее обаяние женщины, с которой провел ночь. Он все-таки не знал наверное, она или кто иной заботился о нем, лечил, кормил, а нынче щедро наделил оружием, платьем и золотом, которое между прочими предметами оказалось в обилии запрятанным в чемоданчике.

«Кто она? Королева?» – мелькнуло в его голове. Но он не посмел и на минуту остановиться на этой мысли. В вообра-

жении тогдашнего горца королева (что бы о ней ни говорили недоброжелатели) была окружена таким величавым, ярким блеском, что одна мысль о ней в данном случае являлась святотатством, смертным грехом, безумием...

Он с трепетным ужасом старался выкинуть из головы это помышление...

Между прочим, он нащупал в нагрудном кармане своего нового щегольского кафтана значительных размеров конверт. Надеясь найти в нем разгадку, Рикардо нетерпеливо вскрыл его...

Там оказался лист бумаги, исписанный очень мелко.

Почерк был решительный, твердый...

Вот что прочел молодой калабриец:

«Та, за которую вы рисковали жизнью, покуда не может еще открыть вам своего имени. Но она – вблизи или издалека – непрестанно будет следить за вами и надеяться, что ваше поведение будет всегда достойно оказанного вам доверия. Раз узнавать, кто она, вам положительно запрещается. Иначе вы утратите ее расположение, которое может быть вам в высшей степени полезно. То, что с вами произошло и кажется вам таинственным, в свое время само собой для вас выяснится, если вы не будете допытываться. В противном же случае, благодаря высокому положению этой особы, вы легко можете сильно пострадать за свою нескромность. Повинуйтесь слепо приказаниям, которые дойдут до вас от ее имени. Ваш ум, ваше мужество вы должны посвятить исполнению этих при-

казаний. И вы не раскаетесь в том, что пролили кровь за лицо, вам неизвестное. Докуда эта особа, пользуясь своим положением при наших монархе и монархине, исходатайствовала для вас у ее величества королевы, находящейся еще в столице, назначение вас королевским эmissаром вашей родины. В этом же конверте вы найдете документ о таком назначении, которое ставит вас в ответственное, но весьма значительное положение среди ваших земляков. Это особенно важно в настоящее время, когда необходимо приступить к организации защиты от внешних врагов прав нашего законного государя. Не смущайтесь золотом, которое найдете в чемодане, и не принимайте его за подарок. Это просто годовой аванс вашего жалованья по эmissарскому званию, который препровождается по приказанию ее величества. Оружие же и коней, я надеюсь, доблестный рыцарь не откажется принять от своей дамы. Не забывайте, что отныне ваше существование всецело принадлежит ее любви и вашей доблести...»

Рикардо вглядывался в отдельные слова, даже буквы письма, словно пытаясь угадать, кем они начертаны. Но это ни к чему не привело. Вкладывая письмо в конверт, он вспомнил о другом документе, упомянутом в послании; вынул, пробежал его и был поражен еще более.

«Повелеваем главарям всех отрядов, сражающихся за своего законного, Богом данного, короля признавать нашим королевским эmissаром полковника Рикардо и

повиноваться его приказаниям, как бы от вашей власти исходящим.

Каролина Австрийская, королева Неаполитанская».

Таким образом, Рикардо получал чин полковника, назначался государственным эmissаром в область, которой угрожало французское вторжение! Ум молодого человека мutilся. Он опять, как безумие, отгонял от себя мысль, что все это исходило от королевы. Однако было несомненно, что королева благоволила к нему, ибо награждала его. Что же такое? Этим благоволением он, вероятно, обязан той женщине, которая любила его, хотя и не скрывала, что может наказать его за измену. Конечно, эта женщина близка королеве, имеет на ее величество большое влияние, это так. Но все-таки: кто она?..

Долго сидел в раздумье калабриец; приятели еще не возвращались из остерии.

Он случайно взглянул на море, по направлению к Неаполю. Ему бросились в глаза три больших военных корабля, на полных парусах удалявшиеся из порта. На мачте каждого развевалось по белому бурбонскому флагу. Раздался и прокатился окрест могучий пушечный выстрел. За ним другой, третий... пальба...

– Что это за выстрелы? – спросил Рикардо у рыбака, который шел к своей лодке с неводом на плечах.

– В честь ее величества палят. Она отплывает в Сицилию к государю, – отвечал рыбак.

Глава VIII

Шабаш дьяволов и шабаш атаманов. – Герцог Фаньяно. – Так началась война

Как необъятная белая кровля, подпираемая снизу густыми группами темных колонн, стлался снежный покров по верхушкам вековых сосен гор Гарильонских. Могучие деревья тесно жались друг к другу; лес покрывал необозримое холмистое пространство. На отлогой вершине, почти в сердце этого леса, по какому-то капризу природы образовалась обширная прогалина, почти круглая поляна. К ней сходились множество тропинок, прихотливо извивавшихся и переплетавшихся между собою в лесу. Мало кто осмеливался ходить по этим тропкам; на них и в яркие летние дни почти не проникал солнечный свет, так густо переплетались между собой ветви многовековых сосен.

Во времена седой древности эта прогалина считалась священным местом, храмом, в котором витали таинственные и страшные для всякого человека духи. Те немногие поселяне, которые по необходимости попадали в безбрежный лес, чтобы вырубить бревно, собрать сухие ветки на топливо, либо добывать смолу, не отваживались подходить к этому храму. А если и добирались туда, то погибали: и память о них, и

следы их исчезали.

В эпоху, которой занимается наш рассказ, правда, мало уже кто верил, чтобы круглая прогалина была жилищем древних богов Бруцци⁶, но зато мало было и таких, кто бы не верил, что туда продолжают сходиться на свой шабаш демоны ада, не менее ревниво, чем языческие Бруцци, сторожившие это место, и не менее жестоко каравшие попавших туда смертных. Были, конечно, люди, чуждые всяким суевериям, не верившие ни в языческую, ни в папистскую чертовщину. Но и они не решались проникать туда, не желая быть съеденными волками; кроме того, всякий опасался, что на обратном пути может безвозвратно заблудиться.

Во времена испанского владычества некто Маркс Берарди, небогатый местный дворянин, возбудил против себя гнев тогдашнего правителя, вздумавшего учредить в Калабрии инквизиционные суды. Берарди с немногими своими единомышленниками энергично протестовал против такого жестокого нововведения. А когда совершились на его родине первые казни – инквизиция сожгла на костре двух неповинных старух, обвинив их в колдовстве и чернокнижии, – то он, собрав шайку в пятьсот с чем-то человек, забрался с нею в самую гущу горного леса и долго отбивался там от нескольких отлично вооруженных испанских полков. Взять его оказалось невозможным. Его блокировали. Без пищи и боевых припасов он изнемогал и предпочел с немногими верными

---

⁶ Ветвь Аbruцских гор, принадлежащих к Апенниннам.

товарищами погибнуть голодной смертью в дикой пещере, чем сдаться чужеземцам и попасть в руки инквизиции.

К сожалению, я должен заметить, что благодаря беспечности современных нам правителей этот лес нынче почти весь вырублен. А последствием нерасчетливой эксплуатации является немалое для земледелия зло: весной и осенью огромная масса воды, прежде сдерживаемая лесом, безжалостно размывает в долинах посевы и сносит иногда жилища. А в самое знойное время года поля, сады и виноградники чахнут от засухи.

В описываемое нами время с одной стороны круглой прогалины ютился обширный бревенчатый сарай. Кем он был построен, никто не знал, но построен был давно и прочно, ибо, невзирая на беспрестанно трепавшие его непогоды, представлял еще хорошее убежище.

С самого рассвета к этому сараю стягивались из леса конные и пешие люди, по десяти и более, до сотни человек вместе. Лес, бог знает как давно не слыхавший человеческой речи, теперь оглашался шумным говором. По диалекту и одежаниям различных групп заметно было, что эти люди стянулись из разных южных провинций королевства. Слышался мягкий апулийский говор, жесткий базиликатский и отчетливый сицилианский и т. д.

Воздух был прозрачен. Сильная пурга, господствовавшая в горах дня два назад, рассеяла облака. Солнце весело освещало широкий снежный покров и миллиарды разноцветных

искр на нем. Вся окрестность словно улыбалась и нимало не напоминала угрюмого мрака, в который зачастую бывала погружена. Господствовало бодрящее настроение и в природе, и в людях. Сосны-великаны, медленно разраставшиеся в течение многих столетий, производили впечатление величавых бодрых старцев, которые умеют невозмутимо относиться и к грозным бурям, и к предвечной непоколебимости мировых законов.

А у подножия этих великанов кишели, как муравьи, люди, закинутые в глухую высь страстями, которые постоянно помыкают ими там – где-то внизу.

Каждый отряд или даже группа горцев, показывавшиеся около прогалины, были ранее прибывшими встречаемы приветно: криками, хлопаньем в ладоши. Тем восторженнее были эти приветы, чем более горцев оказывалось среди новоприбывших, прославившихся во время партизанской войны шесть лет назад, войны, которой руководил кардинал Руффо. Каких тут не было физиономий и фигур! Мрачные, отважные, нагло беспечные, разгульные... Всем им снова начинала улыбаться фортуна.

Каждый отряд притащил свою провизию на общее пиршество. Добровольцы-повара вырыли за сараем широкую и глубокую яму, навалили в нее хвороста, зажгли его. Высоко подымалось дымчатое пламя. Их товарищи подготавливали излюбленные травы и зелень, чтобы начинить ими только что зарезанных коз и овец. Когда дрова прогорят, уголь останет-

ся; в него положат эти туши целиком и завалят сверху углем, заранее откинутым на землю из ямы, и самую этой землей. В стороне ежеминутно нарастала груда приношений: каждый пришедший клал туда, на общую потребу, принесенные им запасы: сыры, хлеб, фляжки вина и прочее.

– Это мне детство мое напоминает. Когда я к попу в школу ходил, мы, ребяташки, с собой завтраки туда из дома таскали, – говорил ражий пожилой атаман. Он только с коня спрыгнул, даже не успев еще снять с себя оружия, и любовно остановился перед грудой яств.

– В какую такую ты школу ходил? – подсмеивались над ним товарищи.

Впрочем, большинство атаманов или главарей даже мелких отрядов слезали с коней у противоположного импровизированной кухне входа в сарай. Все они, видимо, были довольны радушию, с которым их встречали товарищи, и усаживались в сарае большим кругом. При появлении каждого нового лица все шумно хлопали в ладоши.

Подчиненных своих они оставляли под открытым небом.

– Вот мы и собрались. Все наши, кажется, тут? – заговорил знакомый нам Парафанте, обращаясь к приятелям, как и он сам, прибывшим в лес по приглашению королевы.

– Из наших, кажется, все налицо. Да есть зато кое-кто и незнакомый, – отозвался Бенинказа.

– Это из тех, что за свой счет прежде работали. Когда мы, помните, от русских отстреливались, так они – вон Таконе

из Базиликаты, Бойя, Капарале – спокойненько себе самим только руки нагревали.

– Значит, всякого здесь жита по лопате.

– Да, так оно и по-моему.

– Я бы не хотел, чтоб такие молодцы под мою команду попали, – заметил Франкатрипа и, помолчав чуточку, добавил тоном, не допускающим возражений: – А я полагаю, что нынче мне следует генералом быть...

– Черт побери! – воскликнул Спакафорно, – я думаю, что эта должность ко мне больше подходит. А впрочем, я сам ее уж взял.

– Чего вы? – строго произнес один из атаманов. – Аль с ума спятили? Думаете, что нас созвали сюда для того, чтобы должности да чины разбирать промеж себя? Не слышали, что ли: французы уж в Неаполе хозяйничают теперь. А два их полка не сегодня завтра в Калабрию явятся.

– Так и подавно времени терять нельзя.

– Мои молодцы все в сборе. А сюда я привел с собой только податаманов.

– Да, все-таки надо назначить главного генерала, который приказывал бы, как войну вести следует, – опять нагло закричал Парафанте.

– А что же я-то говорю: главного генерала, который бы надо всеми остальными власть имел...

Франкатрипа зорко вглядывался в глаза товарищей.

– Который бы по совести распоряжался дележом... как

это говорится?.. дележом военной добычи, который не только известен своей доблестью, но и — как это... и благородством тоже, — проговорил Спакафорно. — Вот какого надо назначить главнокомандующего.

— Да мы все люди благородные, — строго заметил Бенинказа.

— Известно, что все, — возразил говоривший раньше. — Только для такого дела надо, чтобы человек грамотный был. Наш учитель при всей школе говаривал, что продолжай я учиться — я бы по крайней мере в адвокаты вышел... Да. Он говорил, что человек, который ни читать, ни писать не умеет, ни к чему не годен.

— Ни читать, ни писать я не умею, — чванливо отозвался Парафанте, — зато на трехстах шагах не промахнусь в щегленка пульей из моего карабина, это-то и есть главное.

— Главное, чтобы старший генерал... это я, братцы, не о себе скажу... главное, чтобы он... как бы это...

— Главное, — перебил Франкатрипа, — чтоб он ранее никогда ни у кого в подчинении не бывал...

— Даже и у кардинала?

— Кардинал Руффо не был нашим главнокомандующим, а только викарным викарного Иисуса Христа, то есть его святейшества папы... Я и при нем все по-своему делал. Скажет, бывало, кардинал: «Не грабьте такого, либо сякого села»... А я грабил; потому что мои ребята все до единого за меня готовы были хоть в пекло. Хоть на куски их режь...

– По-твоему выходит, что всем нам под твою команду идти надо.

– А если бы и так? Что же по-твоему? Плохо?

– Это ты так рассуждаешь?

– Да, так я рассуждаю.

– Ладно, ладно, товарищи, – воззвал Бенинказа, чувявший близость рукопашной и подмечая, что многие хватаются уже за рукоятки своих кинжалов, – полно! Время ли теперь печенку себе раздувать. Вы мне лучше растолкуйте, как это взбрело на ум молодому парню, у которого и шайки никакой еще не подобрано, как взбрело на ум капитану Рикардо.

– Хо! Капитану... Полковник целый...

– Не в том дело. Это, пожалуй, даже похвально, что он взял чин ниже того, какой нам надлежит. А дело в том, как он осмелился созывать нас от имени королевы. Явился ко мне с этим приглашением Пиетро Торо... у меня и ноги и руки чесались, чтоб ему трепку задать...

– А не задал-таки? – язвительно вставил Парафанте. – Тебе же лучше.

– Мне лучше? Это ты что же... – свирепо отозвался Бенинказа.

– А то, что Торо в моей шайке капралом служил и на моих глазах однажды схватился с двумя здоровеннейшими нашими молодцами. Да одного в одну, а другого в другую сторону шагов на двадцать, как чурбаны какие, отшвырнул.

– Для этаких... у меня всегда две пули наготове... Да не в

том дело!.. Полно вам печенку-то свою раздувать. А вот как он смел от имени ее величества нам приказания рассылать. Ведь его и на собрании-то у королевы не было вместе с нами... Ее величество и не думала, полагаю, нас оскорблять... А приказания от такого молокососа, да еще таким, как мы, людям, оскорбительны... Сушая обида.

– Я не думаю, чтоб королева решилась... А впрочем, женщина... Каприз такой нашел.

– А мы и подчиняйся капризу?

– Мне сдается, генерал Бенинказа, ты меня прости – мне сдается, что ты суть-то самую не так понял.

«Генерал Бенинказа» был польщен данным ему титулом и приятно улыбнулся. Храбрость его была безупречна; он не моргнув шел всегда навстречу смерти. Впоследствии он так же спокойно и на виселицу пошел. Но зато и тщеславие его не имело границ.

– Я сути не понял?! – спросил он.

– Нет. Сам посуди: быть только передатчиком приказаний еще не ахти какая честь. Это лакейская обязанность.

– Знаю я это, знаю, – заговорил опять Спакафорно. – Только этот паренек гордый, самолюбивый и лакейского поручения на себя ни за что не взял бы. И храбрый. Это он при кардинале показал... На войне, которую затеяла женщина, он не бесполезен. Там после, может, и дальше пойдет. Потому что он грамоте хорошо обучен. А грамота, я вам опять говорю, дело важнейшее.

В эту минуту поднялся большой шум, приветственный, но почти буйный, сначала вне, а затем и внутри сарая. Сюда вошел вновь прибывший молодой атаман – Вицаро. Он уже был и тогда популярен, успел показать чудеса храбрости шесть лет тому назад. Он и доселе остается едва ли не самым блестящим историческим героем того бурного, революционного и воинственного периода, о котором мы рассказываем. Не так давно известный итальянский поэт описал его подвиги в поэме, исключительно посвященной Вицаро. В горах пелись и поются еще о нем песни, сложенные простонародьем в его честь.

Его конь, сбруя, оружие – все было богато, изящно, черты лица красивы, но выражение свирепо. На вид ему тогда едва было лет тридцать пять.

Он был очень популярен в стране. Но далеко не все старые атаманы его любили. Шумные восторги, встретившие вновь прибывшего, некоторым не по вкусу пришлись.

– Молодец-то он молодец, – с презрительной гримасой пробурчал Бенинказа, – только что ж он такое? Разбойник и больше ничего. Никогда он за короля не сражался, как мы.

– Зато сердце-то у него из стали, – возразил Франкатрипа.

– А у нас из пуха, что ли? Вот коли Господь судит мне быть главным генералом, так увидите, как я его на настоящее место осажу...

Покуда шла в сарае между атаманами описанная беседа, вне его обменивались мыслями податаманы и рядовые доб-

ровольцы. До них, конечно, долетали голоса главарей, и они обсуждали возможные результаты сегодняшнего сблища.

– Если наши командиры собрались, чтобы главного генерала выбирать, так, право, нам лучше по домам разойтись, – говорил один опытный податаман.

– А знаете, чем все это кончится? – добавил другой, – передерутся, перережут они между собой, да и нам придется друг с другом драться.

– А что ж ты думаешь? Любезное бы это было дело! Самое справедливое... Командиром выбирать надо самого что ни на есть сильного человека. А силу надо показать прежде... Лучше этого места не найти; прогалина просторная; есть место не только кинжалу – и пуле разгуляться... Кто верх возьмет, тот и головой быть должен...

Эти рассуждения были прерваны появлением Вицаро со своей свитой. Он, соскочив быстро с коня, прошел прямо в сарай. Вслед за ним проскакал на белом невысоком, но статном коне какой-то юноша. Он бросил поводья сопровождавшему его горцу весьма свирепого, отталкивающего вида, вооруженному двумя топорами за поясом да карабином за плечами. Калабрийское национальное одеяние на молодом человеке было щегольское, даже богатое. Из-под полуконической высокой шляпы, обвитой по местному обычаю разноцветными, развевающимися по ветру лентами, спадали на плечи пышные кудри цвета воронова крыла. Большие черные глаза были поразительно красивы; но взгляд их был же-

сток, почти свиреп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.